

Юлий Люцифер

РАЗВОД

Стать женой
его врага

Юлий Люцифер

Развод. Стать женой его врага

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Развод. Стать женой его врага / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

«Ты выходишь из этого дома ни с чем, Катя. Без моей фамилии ты — пустое место». В один день я потеряла всё: мужа, дом, деньги, привычную жизнь и даже право называться женщиной, которую когда-то любили. Пять лет я была для него удобной женой — красивой, верной, незаметной. Помогала строить его бизнес, молчала, терпела, верила. А потом он просто вышвырнул меня за дверь. Ради молодой любовницы. Ради новой жизни, в которой для меня не осталось места. Но мой бывший муж совершил одну роковую ошибку. Он забыл, что все его тайны остались у меня. Теперь я пришла к единственному человеку, которого он боится по-настоящему — к Роману Северскому. Хищнику большого бизнеса, его заклятому врагу, мужчине, рядом с которым даже воздух становится опасным. Я искала спасение. А получила предложение, от которого невозможно отказаться:— Я уничтожу его, Катерина. Но взамен ты станешь моей женой. Я согласилась. Пусть это будет месть. Пусть это будет сделка. Пусть весь мир думает, что я стала трофеем в чужой войне. Вот только мой новый муж оказался куда страшнее человека, который меня предал. И если один разрушил мою жизнь, то второй может забрать сердце. А я не имею права проиграть снова.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Папка вместо любви	5
Глава 2. Выход без права на возвращение	13
Глава 3. Пять лет за ноль	23
Глава 4. Его главная ошибка	31
Глава 5. Человек, которого боятся	39
Глава 6. Не спасение — контракт	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1. Папка вместо любви

Марк бросил на стол папку с документами о разводе так небрежно, словно это был рекламный буклет, а не пять лет моей жизни.

Папка скользнула по стеклянной поверхности и остановилась прямо передо мной. Белая. Тонкая. Безупречно ровная. Как будто даже бумага в его кабинете знала своё место лучше, чем я в его жизни.

Я смотрела на неё и не шевелилась.

За панорамными окнами сиял город. Внизу текли машины, люди спешили по своим делам, кто-то смеялся у входа в кофейню напротив, кто-то говорил по телефону, кто-то, наверное, в эту минуту целовал любимого человека и не подозревал, что одна фраза может превратить брак в мусор.

В кабинете было тихо. Слишком тихо. Я слышала только едва заметный гул кондиционера и собственное дыхание. Марк не торопил меня. Он сидел в кресле напротив, откинувшись на спинку, и смотрел так спокойно, будто мы обсуждали поставку мебели для его нового офиса.

На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами и часы, которые я подарила ему на годовщину. Смешно. Я копила на них три месяца, потому что хотела вручить не просто дорогую вещь, а знак того, что я вижу в нём мужчину, рядом с которым стоит быть. Мужчину, за которого не страшно держаться.

Теперь этот мужчина смотрел на меня как на пункт в списке дел.

— Подписывай, — сказал он.

Вот так просто.

Без подготовки. Без паузы. Без попытки изобразить сожаление.

Я медленно перевела взгляд с папки на него.

— Что это?

Он чуть приподнял бровь, будто вопрос был глупым.

— Не начинай, Катя.

— Я не начинаю. Я спрашиваю.

Он вздохнул с тем усталым терпением, которое всегда оставлял на тех, кого уже перестал уважать.

— Это документы о разводе. Всё оформлено. Быстро, чисто, без лишнего цирка. Тебе остаётся только поставить подпись.

Я открыла папку.

Пальцы не дрожали. Это пугало сильнее всего. Я ожидала, что меня затрясёт, что внутри начнётся паника, что я хотя бы перестану нормально видеть строчки. Но ничего этого не было. Внутри стояла такая ледяная пустота, что даже страх не мог за неё зацепиться.

Развод. Соглашение. Отказ от взаимных претензий. Имущество. Обязательства.

Я читала быстро, цепляясь глазами не за буквы, а за смысл. Дом оформлен на него. Машина на него. Основные счета под его контролем. Моих активов — как будто и не существовало. Моего участия в его жизни — тоже.

Ноль.

Пять лет.

Ноль.

Я перевернула страницу.

Ещё одну.

Потом снова подняла голову.

— Ты серьёзно?

— Более чем.

— Здесь нет ничего для меня.

Он пожал плечами.

— А что, по-твоему, здесь должно быть?

— Например, правда.

Он усмехнулся. Даже не зло. Скорее снисходительно.

— Правда очень проста. Ты выходишь отсюда ни с чем.

Слова прозвучали ровно, как заранее заученная фраза. Наверное, так и было. Он всегда любил входить в разговоры подготовленным. Даже когда уничтожает кого-то, ему важно держать красивую форму.

Я закрыла папку.

Тихо. Аккуратно.

— Повтори.

Он посмотрел на меня внимательнее. Возможно, ожидал слёз, истерики, женской мольбы. Чего угодно, что подтвердило бы его привычную схему: он сильный, я зависимая. Он решает, я переживаю.

Но я не собиралась облегчать ему этот день.

Он переплёл пальцы и наклонился чуть вперёд.

— Ты ведь понимаешь, Катя, что у тебя нет связей, нет денег, нет положения, которое существовало бы отдельно от меня? Всё, что у тебя было, было через меня. Дом, статус, окружение, уровень жизни. Теперь этого не будет.

Он выдержал короткую паузу, явно наслаждаясь собственным спокойствием.

— И теперь не будет меня.

Я молчала.

Он улыбнулся краем губ.

— Ты — пустое место.

Наверное, в этот момент я должна была почувствовать, как во мне что-то ломается. Но нет. Ничего не сломалось. Наоборот. Что-то вдруг встало на место.

Очень чётко.

Я смотрела на человека, которого любила, и впервые видела не мужа, а чужака. Причём не нового чужака — старого. Того, кто всё это время сидел под красивой оболочкой и ждал минуты, когда сможет заговорить своим настоящим голосом.

И вот этот голос наконец зазвучал.

— Интересно, — сказала я тихо, — ты всегда был таким или просто долго притворялся?

Он раздражённо усмехнулся.

— Вот только не надо сейчас трагедии.

— Это не трагедия, Марк. Это очень дорогая ошибка. Просто я ещё не решила, чья именно.

— Брось. — Он откинулся в кресле. — Мы оба взрослые люди. Такое случается.

— Что именно? Измена? Подлость? Или момент, когда мужчина решает, что женщина рядом с ним больше не человек?

Его взгляд стал холоднее.

— Не драматизируй.

— Ты повторяешь это уже второй раз. Видимо, хорошая формула. Очень помогает скрывать мерзость.

— Следи за словами.

— А то что?

Он прищурился.

Я прекрасно знала этот взгляд. Так он смотрел на конкурентов, которые забывали своё место. На партнёров, решивших торговаться лишние полчаса. На людей, которых собирался продавать.

Только раньше мне казалось, что ко мне этот взгляд не относится.

Какая наивная роскошь.

— А то ты сама усложнишь себе выход из этой ситуации, — произнёс он.

— Выход? — Я кивнула на папку. — Ты называешь это выходом?

— Да. Спокойным. Без грязи. С подписью и без позора.

Я рассмеялась.

Негромко. Почти устало.

— Без позора? Марк, ты сейчас выставляешь мне счёт за пять лет моей жизни и предлагаешь считать это цивилизованным разводом.

— Пять лет твоей жизни, — повторил он, и в голосе его впервые мелькнуло раздражение.

— Не надо делать вид, что ты всё это время жила в аду. Ты хорошо жила. Очень хорошо. Я дал тебе намного больше, чем у тебя было до меня.

Вот теперь внутри шевельнулось что-то тёмное.

Не боль.

Ярость.

Потому что он знал, куда бить. Он всегда это знал.

До него у меня была обычная жизнь. Работа, съёмная квартира, постоянный счётчик в голове — дотяну до зарплаты или нет. Потом появился Марк. Красивый, уверенный, внимательный. Мужчина, рядом с которым я впервые почувствовала не тревогу, а опору. Он смотрел на меня так, будто я важна. Будто во мне есть что-то большее, чем просто удобная женщина.

Потом мы поженились. Потом я переехала в его дом. Потом всё стало «нашим». Его люди. Его круг. Его правила. Его бизнес, в который я сначала не лезла, а потом всё чаще включалась, потому что он сам просил: посмотри договор, ты лучше чувствуешь формулировки; посиди на ужине, мне нужно, чтобы рядом была нормальная женщина, а не эти куклы; поговори с дизайнером; помоги с благотворительным проектом; напomini про встречу; перепроверь цифры; подготовь список гостей.

Постепенно я стала незаметной частью механизма, который делал его жизнь удобнее, красивее, устойчивее.

Я не сидела у него на шее.

Я была фундаментом, который просто не принято замечать.

И вот теперь он смотрел мне в глаза и говорил, что дал мне слишком много.

— Ты правда в это веришь? — спросила я.

— Я не верю. Я знаю.

— Нет. Ты просто привык измерять людей деньгами и квадратными метрами.

— А ты привыкла жить в иллюзии, что имеешь право на большее только потому, что была рядом.

Я медленно поднялась.

Он тоже напрягся. Не сильно. Едва заметно. Но я увидела.

Приятно.

Я обошла кресло и подошла к окну. Мне нужно было на секунду отвернуться от него, чтобы не вцепиться ногтями ему в лицо. Не потому, что я потеряла контроль. Наоборот. Потому что впервые за всё это время слишком ясно поняла: один неверный шаг — и он спишет меня в категорию истеричных женщин, с которыми мужчины вынуждены быть жёсткими.

Нет.

Такого подарка я ему не сделаю.

Я смотрела вниз на город и говорила спокойно, хотя каждое слово внутри резало как стекло.

— Когда ты перестал меня считать человеком?

Он усмехнулся.

— Опять пафос.

— Ответь.

— Я никогда не переставал. Просто ты стала... неудобной в своей предсказуемости.

Я медленно повернулась.

— Что?

— С тобой всё стало слишком понятно. Ты всегда рядом. Всегда согласна. Всегда правильная. Удобная жена. Удобная женщина. Удобная жизнь. А я не хочу жить с удобством, Катя. Я хочу жить с интересом.

Сказал.

Наконец сказал.

Я выдержала паузу, а потом спросила:

— И давно у тебя этот интерес?

Он не отвёл взгляд.

— Полгода.

Вот так. Без вины. Без смущения.

Полгода.

Полгода я жила рядом с мужчиной, который уже выбрал другую. Гладила ему рубашки. Сидела рядом на ужинах. Улыбалась его партнёрам. Вела разговоры, которые помогали ему выглядеть надёжным семейным человеком. Полгода я была декорацией в его старой жизни, пока он строил новую.

Я кивнула.

— Значит, всё-таки есть другая.

— Конечно есть. Ты не настолько наивна.

— Нет. Я была настолько предана, что слишком долго не позволяла себе думать о том, кем ты оказался.

Он потёр переносицу и взглянул на часы.

На часы.

Мужчина, который пришёл уничтожить брак, посматривает на время. Ему, наверное, нужно успеть на ещё одну встречу. Или на обед. Или к той самой женщине, с которой ему интересно.

Меня вдруг охватило такое чистое презрение, что стало даже легче дышать.

— Кто она? — спросила я.

— Не твоё дело.

— Уже моё. Раз ты решил, что я должна уйти без имени, без дома и без права хотя бы знать, ради кого ты устроил этот спектакль.

— Это не спектакль, Катя. Это решение.

— Нет. Это трусость, красиво оформленная юристами.

Его лицо потемнело.

— Хватит.

— Почему? Правда начинает пахнуть плохо?

— Хватит, — повторил он жёстче. — Ты ничего не добьёшься этой сценой.

— А я и не пытаюсь чего-то добиться. Я просто хочу, чтобы хотя бы один раз ты услышал, кем выглядишь со стороны. Ты не мужчина, который честно уходит. Ты мужчина, который сначала пользуется женщиной, пока она удобна, а потом выкидывает её, потому что нашёл новую игрушку.

Он резко встал.

Теперь между нами остался только стол.

— Следи. За словами.

Я улыбнулась.

Впервые за весь разговор по-настоящему.

— А то что, Марк? Ты меня уволишь? Лишишь доступа к дому? Заблокируешь карты? Подпишешь развод? Кажется, всё это ты уже сделал.

Он смотрел на меня так, будто перед ним впервые оказался кто-то, кто не собирается падать на колени. И, кажется, именно это его бесило сильнее всего.

— Я пытаюсь закончить всё без грязи, — сказал он тише. — Но ты, как всегда, всё превращаешь в драму.

— Нет. Драма началась в тот момент, когда ты решил, что я не замечу, как меня вычеркивают из своей жизни. Сейчас — просто последствия.

Он обошёл стол и остановился напротив.

Слишком близко.

Я чувствовала запах его парфюма. Когда-то от этого запаха у меня сбивалось дыхание. Теперь хотелось открыть окно.

— Послушай внимательно, — произнёс он низко и ровно. — У тебя нет ресурсов идти против меня. Ни юридически, ни финансово, ни социально. Ты останешься одна. Без поддержки. Без денег. Без дома. Подпиши документы, уйди красиво и сохрани хотя бы остатки достоинства.

Я смотрела ему в глаза.

Вот оно.

Его любимое оружие.

Не крик. Не сила. Не угрозы в лоб.

Холодная уверенность человека, который считает, что уже победил.

Я медленно взяла папку со стола. Открыла. Перелистнула несколько страниц. Нашла место для подписи.

Он выдохнул.

Почти незаметно.

Почти.

Я подняла на него взгляд.

— Ты ведь действительно думаешь, что у меня нет ничего?

— Я это знаю.

— Ошибаешься.

Он усмехнулся.

— И что у тебя есть?

Я закрыла папку.

Очень медленно.

Потом положила её обратно на стеклянный стол.

— Память, Марк.

Он не изменился в лице, но внутри я уже почувствовала: попала.

— Что это значит?

— Это значит, что я слишком много лет была рядом. Слишком много видела. Слишком много слышала. Слишком часто оставалась в комнате, когда ты думал, что я не слушаю. Слишком много документов проходило через меня, пока ты играл в большого и неприкасаемого.

Теперь он смотрел на меня совсем иначе.

Не как на бывшую жену.

Как на риск.

Прекрасное начало.

— Осторожнее, Катя, — сказал он.

Я наклонила голову.

— Боишься?

— Я предупреждаю.

— Нет. Предупреждают сверху. А ты сейчас защищаешься.

Его челюсть напряглась.

— Ты не понимаешь, о чём говоришь.

— Правда? А тендер через «ВекторСтрой» я тоже придумала? И договоры, которые подписывались не тем числом? И платёж, который почему-то шёл в обход основного счёта? И встречу в октябре, после которой ты вернулся домой в два ночи и сказал, что если “этот ублюдок” ещё раз полезет в твою зону, ты его раздавишь? Напомнить, кого именно ты тогда имел в виду?

На этот раз он не ответил сразу.

Тишина в кабинете стала густой, как перед грозой.

Я смотрела на него и почти физически чувствовала, как под его идеальной оболочкой шевельнулась первая настоящая тревога.

Он привык, что женщины рядом с ним запоминают кольца, рестораны, даты отпусков и чужие галстуки.

Он не привык, что они запоминают схемы.

— Я бы на твоём месте молчал, — сказал он наконец.

— А я на своём впервые собираюсь говорить.

— И кому же?

Я улыбнулась ещё шире.

Сейчас я не собиралась называть имя. Пока нет. Но он должен был понять, что я знаю, где у него слабое место.

— Тому, кого ты действительно боишься.

Его взгляд потемнел.

Вот теперь я увидела это отчётливо.

Страх.

Короткий. Злой. Очень хорошо спрятанный. Но настоящий.

— Даже не думай, — произнёс он.

И в ту секунду всё стало окончательно ясно.

Попала ещё точнее, чем думала.

— Значит, я думаю в правильную сторону, — тихо сказала я.

Он сделал шаг ко мне. Быстро. Настолько быстро, что ещё полгода назад я бы отшатнулась автоматически.

Но не сейчас.

Сейчас я стояла прямо и смотрела, как в его глазах впервые за весь разговор появляются не снисходительность и не раздражение, а жесткость человека, который почувствовал угрозу.

— Катя, — произнёс он, почти не разжимая зубов. — Ты не понимаешь, куда лезешь.

— А ты не понимаешь, кого сам туда толкнул.

— Ты ничего не сделаешь.

— Посмотрим.

— У тебя не хватит характера.

Я рассмеялась.

На этот раз без тени тепла.

— Правда? Ты только что уничтожил мой брак, вышвырнул меня из жизни и назвал пустым местом. Очень странно ждать после этого мягкости.

Он замолчал.

И я поняла, что именно сейчас случилось главное.

Не развод.

Не предательство.

Не даже признание в измене.

Главное случилось во мне.

Я вдруг больше не хотела вернуть прошлое. Не хотела услышать объяснение, которое снимет остроту боли. Не хотела умолять, торговаться, цепляться за память о хорошем. Всё это сгорело прямо здесь, между его белой папкой и моим последним вопросом.

Осталась только холодная, предельно ясная решимость.

Я обошла его и направилась к двери.

— Я подпишу бумаги, — сказала спокойно.

Он резко повернулся.

— Что?

Я положила ладонь на ручку двери и обернулась.

— Ты ведь этого хотел? Подпись? Чистый выход? Хорошо. Ты её получишь.

Он смотрел подозрительно.

Умный. Уже понял, что бесплатного ничего не будет.

— Тогда в чём проблема? — спросил он.

Я улыбнулась.

Очень тихо. Очень ровно.

— В том, что сначала я закончу одно дело.

— Какое?

Я выдержала паузу.

Этого мгновения я хотела для себя. Чтобы потом помнить не его фразы, не его лицо, не эту папку, а собственный голос в ту секунду, когда я перестала быть женщиной, которую можно было просто выставить за дверь.

— Ты прав, Марк, — сказала я. — У меня нет ничего.

Он молчал.

— Но скоро у тебя не останется даже этого.

Его лицо окаменело.

— Ты мне угрожаешь?

— Нет, — ответила я и открыла дверь. — Я тебя предупреждаю.

Я вышла из кабинета, не хлопнув дверью.

Не из вежливости.

Просто мне не хотелось дарить ему красивую сцену. Пусть лучше запомнит другое: я ушла спокойно.

В приёмной стояла та самая вязкая тишина, которая бывает только там, где люди уже что-то знают, но ещё не решили, как будут притворяться, будто ничего не происходит. Его помощница опустила глаза в экран планшета. Двое сотрудников у переговорной синхронно отвернулись к окну. Кто-то слишком быстро свернул за угол.

Конечно, слух уже пошёл.

Мужчины вроде Марка не любят случайностей. Значит, почву он подготовил заранее.

Что ж.

Тем лучше.

Я дошла до лифта, нажала кнопку и впервые за весь день позволила себе короткий медленный вдох.

В зеркальной стене напротив отражалась женщина в молочном костюме, с идеально уложенными волосами и пустым спокойным лицом. Если бы я увидела её со стороны, то подумала

бы, что у неё отличный день: дорогая одежда, прямая спина, красивый макияж, уверенный взгляд.

Никто бы не догадался, что десять минут назад эту женщину называли пустым местом.

Лифт приехал.

Я вошла внутрь и только там достала телефон.

Руки всё-таки дрогнули. Чуть-чуть. Совсем незаметно.

Хорошо.

Значит, я ещё живая.

Экран светился ровно. Несколько пропущенных уведомлений. Пара сообщений от магазина. Напоминание о встрече, которой уже не будет. Открытый список контактов.

Я смотрела на него и понимала: я действительно стою на краю. Без дома. Без нормального доступа к деньгам. Без ясности, кто останется рядом, а кто моментально отшатнётся, когда поймёт, что я больше не жена Марка Воронцова.

Но вместе с этим во мне росло другое чувство.

Не паника.

Не отчаяние.

Злость, в которой наконец появлялась форма.

Очень скоро мне придётся решить, где ночевать, что делать с вещами, как вытаскивать остатки своей жизни из его рук. Очень скоро мне станет по-настоящему больно. Возможно, ночью. Возможно, в пустой комнате, когда рядом не будет никого. Возможно, когда я увижу, что он уже перевёз в мой дом другую женщину.

Но это будет потом.

А сейчас у меня была только одна мысль.

Марк совершил роковую ошибку.

Он забыл, что все его тайны остались у меня.

Двери лифта раскрылись на первом этаже.

Я вышла в холл, где пахло кофе, дорогим парфюмом и чужой деловой безупречностью. Охранник у входа едва заметно напрягся, когда я прошла мимо. И снова — отведённые глаза, слишком ровные лица, слишком удобная тишина.

Пусть.

Очень скоро всем этим людям придётся выбирать, кого они боятся больше.

На улице меня ударил в лицо холодный воздух. Я остановилась на верхней ступеньке и подняла взгляд на небо.

Серое. Спокойное. Городское.

Такое же равнодушное, как минуту назад был равнодушен мужчина, с которым я прожила пять лет.

Я медленно спустилась вниз.

Каблуки отчётливо стучали по камню.

Каждый шаг звучал как отсчёт.

Не до конца.

До начала.

Глава 2. Выход без права на возвращение

Я не помню, как дошла до машины.

Помню только, что город вокруг двигался слишком быстро, будто кто-то подкрутил скорость чужой жизни, а моя осталась стоять на месте. Люди выходили из офисов, говорили по телефонам, смеялись, заходили в кофейни, целовались у светофоров, ругались с курьерами. Мир не остановился. Ему было плевать, что в одном стеклянном кабинете тридцатью этажами выше меня только что вычеркнули из брака, дома и привычной жизни.

Я дошла до бордюра, остановилась и посмотрела на поток машин.

Такси.

Мне нужно было просто вызвать такси. Обычное действие взрослого человека. Два нажатия на экран. Пятнадцать секунд. Но когда я полезла в сумку за телефоном, пальцы вдруг стали чужими — слишком медленными, слишком деревянными. Я достала телефон, разблокировала экран и почти сразу уткнулась взглядом в уведомление от банка.

Доступ к счёту ограничен.

Я открыла приложение, хотя уже знала, что увижу. Белый экран, серая строка, короткое холодное сообщение. Общий счёт мне больше не принадлежал. Карта, которой я расплачивалась за продукты, цветы, бензин, ужины, подарки и всю ту бесконечную мелкую бытовую реальность, из которой состоит брак, была мёртвой.

Марк не просто подготовил бумаги.

Он выдернул вилку из розетки и отрезал электричество во всей моей жизни.

Я закрыла приложение. Не потому, что не верила. Просто не хотела смотреть на это ещё раз. Удивительно, но меня даже не затрясло. Я лишь почувствовала, как внутри становится ещё холоднее. Словно лёд, который появился в кабинете наверху, теперь разливался дальше — по венам, по рёбрам, по затылку.

Хорошо.

Пусть будет холодно.

Жар уходит быстро. Холод держится дольше.

Я вызвала машину с личной карты, которую почти не использовала последние годы. На ней лежали мои деньги — не огромные, но мои. Остатки от старых проектов, несколько гонораров за консультации, которые я когда-то брала ещё до того, как окончательно растворилась в графике Марка. Я помнила, как он однажды усмехнулся, увидев, что мне пришёл перевод.

— Оставь себе, — сказал он тогда. — Пусть будет ощущение независимости.

Я не ответила. Потому что тогда ещё называла это не издёвкой, а мужским высокомерием, которое нужно просто не замечать.

Сейчас я с благодарностью подумала о той своей старой версии, которая почему-то не закрыла этот счёт и не перевела всё в общее пространство.

Машина подъехала через три минуты. Чёрный седан остановился у тротуара, водитель коротко кивнул мне через стекло. Я села на заднее сиденье и только тогда поняла, что не ввела адрес.

— Куда едем? — спросил он.

Я открыла рот и замолчала.

Смешно.

Оказывается, если у женщины отобрать дом, вопрос «куда?» может оказаться не менее унижительным, чем слово «развод».

— На Кленовую, — сказала я.

И только когда машина тронулась, поняла, что сказала это не подумав.

Дом.

Нет, уже не дом.

Объект недвижимости, как это наверняка было прописано у юристов Марка. Частная территория. Чужая собственность. Место, где ещё утром висели мои халаты, стояли мои духи и лежала моя жизнь, аккуратно разложенная по полкам, которые теперь, как выяснилось, мне не принадлежали.

И всё же я ехала туда.

Не за примирением.

Не за надеждой.

За проверкой.

Мне нужно было увидеть масштаб его подлости своими глазами.

Машина вырулила на проспект. Город потянулся за окном длинными полосами из стекла, металла и человеческой спешки. Я смотрела, не видя. Перед глазами всё время вставала одна и та же картинка: белая папка на стеклянном столе. Пальцы Марка, лежащие поверх документов. Его ровный голос. Его раздражающе спокойное: «Ты — пустое место».

Никогда раньше мне не хотелось ударить его.

Орать — да. Плакать — да. Уходить и хлопать дверью — да. Но не ударить.

А в этот день я впервые поняла, почему некоторые женщины потом годами помнят не сами слова, а момент, когда им хотелось вцепиться ногтями в идеально выстроенное мужское лицо. Не потому что это что-то меняет. А потому что тело иногда быстрее ума понимает, насколько перед тобой чужой.

Телефон завибрировал у меня в руке.

Марк.

Я смотрела на его имя и думала, что ещё утром от одного этого слова внутри включалась отработанная система — ответить, услышать, понять, подстроиться. Сейчас я почувствовала только желание дослушать его до конца, чтобы лучше запомнить.

Я приняла вызов.

— Да.

— Где ты? — спросил он.

Ни приветствия. Ни паузы. Ни попытки притвориться человеком.

— А что?

— Не играй со мной, Катя. Где ты?

Я посмотрела в окно.

— Почему тебя это волнует? Я же больше не часть твоей жизни.

— Потому что я не хочу, чтобы ты делала глупости.

— Смешно. Ещё час назад ты сказал, что я пустое место. А теперь вдруг беспокоишься, куда оно движется.

Он замолчал на секунду.

Я почти слышала, как в его голове сталкиваются раздражение и желание держать лицо.

— Я сказал охране, чтобы тебя не пускали в дом без согласования.

Вот и подтверждение.

Я чуть улыбнулась.

— Как предусмотрительно.

— Это нормальная мера.

— Для кого? Для жены, которую ты только что выгнал? Или для любовницы, которую, видимо, уже заселил на моё место?

— Прекрати.

— Что именно? Называть вещи своими именами?

— Катя, я не хочу скандала.

— А я не хочу, чтобы меня выносили из жизни коробками. Видишь, у нас обоих сегодня есть желания, которым не суждено сбыться.

Голос у него стал жёстче.

— Если тебе нужны вещи, их соберут и передадут.

— Как мило. Вручат под расписку?

— Не начинай.

— А что мне ещё делать, Марк? Благодарить тебя за сервис?

Он выдохнул так, словно разговаривал с истеричной клиенткой.

— Послушай внимательно. Не приезжай домой. Это унизит только тебя.

Унизит только тебя.

Вот в этом весь Марк. Даже в момент подлости он всегда находил способ подать её как заботу.

— То есть тебе не неловко, что ты выставляешь жену за дверь? Тебе неловко только от того, что кто-то это увидит?

— Не передёргивай.

— Нет, это ты передёргиваешь понятия. И, кстати, уже не жену.

Он замолчал.

Я впервые почувствовала, что это слово — «не жену» — звучит не больно, а чисто. Как отрезанная нить.

— Просто не приезжай, — сказал он тише. — Я решу вопрос с вещами.

— Нет. Я решу сама.

— Катя.

— Что?

— Не заставляй меня делать всё ещё жёстче.

Я медленно прикрыла глаза.

Вот оно.

Настоящее лицо.

Не юристы. Не папка. Не цивилизованное расставание.

Прямая угроза.

И почему-то именно после неё мне стало совсем спокойно.

— Ты уже сделал достаточно, — сказала я. — Остальное будет только деталями.

Я сбросила вызов прежде, чем он успел ответить.

Водитель коротко глянул на меня в зеркало.

— Всё нормально? — спросил он. В голосе не было ни любопытства, ни участия. Просто бытовая вежливость человека, который возит чужие катастрофы чаще, чем хотелось бы.

Раньше я бы автоматически ответила: «Да, спасибо».

Сейчас не хотелось лгать даже в мелочах.

— Нет, — сказала я. — Но это уже не важно.

Он ничего не ответил, и за это я была ему почти благодарна.

Когда машина свернула на Кленовую, у меня в горле стало сухо.

Улица была такой же, как всегда: тихой, дорогой, ухоженной до тошноты. Ровные изгороди, графитовые ворота, высокие деревья, за которыми богатые люди прячут свою приватность и своё дерьмо с одинаковым усердием. На тротуаре — ни души. Здесь редко ходили пешком. Здесь передвигались либо на машинах, либо за чужой счёт.

Наш дом показался из-за поворота неожиданно быстро. Чёрный фасад, широкие окна, тёмный камень, светлая галька у входа, аккуратно подстриженные шаровидные туи, которые я когда-то так долго выбирала по высоте, потому что хотела симметрию от самых ворот.

Я попросила остановить чуть раньше и вышла сама.

Ветер подхватил волосы, ударил в лицо прохладой. В этом районе всегда было немного холоднее, чем в центре. Или мне так казалось.

Я подошла к воротам и приложила карту-ключ.

Красный сигнал.

Ещё раз.

Красный.

Красиво.

Очень красиво.

Даже здесь он успел первым.

Из будки охраны вышел мужчина, которого я видела впервые. Высокий, плотный, лет сорока, с лицом, которое заранее предупреждало: не усложняй мне смену.

— Добрый день, — сказал он без всякого доброго дня в тоне. — Вам сюда нельзя.

Я медленно повернула голову.

— Простите?

— У меня распоряжение.

— От кого?

Он не моргнул.

— От хозяина.

Слово хлестнуло по лицу сильнее пощёчины.

Я посмотрела на дом. На окна второго этажа. На террасу, где мы пили вино в июне. На стеклянную галерею, где зимой я ставила высокие свечи. На кухню, свет в которой я выбирала по температуре, потому что не любила холодные лампы. На пространство, которое я годами называла нашим, пока юридически оно, как выяснилось, всегда было только его.

Потом снова на охранника.

— Я жила здесь пять лет.

— У меня распоряжение.

— Это я уже слышала. Я не спрашиваю, что у вас. Я сообщаю факт.

Он чуть сдвинул плечи, но не ответил.

— Позовите Марка, — сказала я.

— Его нет дома.

Ложь была слишком быстрой.

Я сделала шаг ближе.

— Тогда позовите ту, ради которой мне теперь нельзя сюда входить.

Он впервые замялся.

Маленькая, незначительная пауза. Но достаточная.

Я усмехнулась.

— Вот и славно.

И в этот момент дверь дома открылась.

Не парадная — боковая, ведущая к кухне и террасе. На пороге появилась девушка.

Светлые волосы собраны небрежно, как у тех женщин, которым нравится выглядеть так, будто они прекрасны без усилий. Тонкие ноги. Голые щиколотки. И мой шёлковый халат цвета шампанского.

Мой.

Я узнала его мгновенно. Я сама выбирала этот оттенок, потому что он красиво ложился на кожу и не смотрелся вульгарно даже утром. Марк когда-то сказал, что этот халат «слишком соблазнительный для домашней одежды». Помню, как я смеялась тогда, пока он завязывал пояс у меня на талии.

Сейчас этот пояс был завязан на другой.

Девушка увидела меня, остановилась и сначала просто посмотрела. Без смущения. Без растерянности. Только с лёгким интересом победительницы, которая впервые видит женщину, место которой только что заняла.

Потом улыбнулась.

— О, — сказала она. — Так это ты.

Не Катя. Не жена. Не женщина, прожившая здесь пять лет.

«Это ты».

Я облокотилась ладонью на холодный металл ворот и тоже посмотрела на неё внимательно. Пусть почувствует. Пусть ей тоже станет немного неуютно от того, как её рассматривают молча.

— А ты, видимо, та самая, с которой ему интересно, — сказала я спокойно.

Улыбка на её губах стала шире.

— Марк предупреждал, что ты можешь приехать.

Конечно, предупреждал.

Чтобы подготовить её роль.

— И что ещё он сказал? — спросила я. — Что я буду кричать? Плакать? Валяться у ворот?

Она чуть склонила голову, будто ей наскучил тон разговора.

— Что ты тяжёлая.

Я тихо рассмеялась.

— Очень деликатное определение для женщины, которую только что вышвырнули из её жизни.

— Это не твоя жизнь, — сказала она быстрее, чем стоило.

И тут же поняла, что сказала лишнее.

Я посмотрела ей в глаза.

— Правда? А твоя? Уже успела стать?

Она расправила плечи.

— Мне неинтересно обсуждать это с тобой.

— Конечно. Потому что обсуждать пока особо нечего. Ты ещё только примеряешь.

Её лицо слегка изменилось. Не сильно. Но достаточно, чтобы я увидела: попала.

Такие женщины всегда ненавидят, когда им напоминают, что они не королевы, а просто временный выбор мужчины, который плохо умеет быть верным.

— Твои вещи соберут, — сказала она, холоднее прежнего. — И передадут. Не нужно устраивать цирк.

— Цирк? — я приподняла бровь. — Нет, дорогая. Цирк был бы, если бы я сейчас рвала на тебе халат, а не разговаривала вежливо. Но я не цирк. Я — последствия.

Она не поняла.

И это было прекрасно.

Калитка щёлкнула.

Я повернула голову.

Из дома вышла Вера Петровна — наша домработница. В руках она держала большой чёрный чемодан и две коробки. Мой чемодан. Тот самый, с которым мы летали в Париж. Тот самый, что стоял в гардеробной и пах моими духами и аэропортами.

Я почувствовала, как что-то внутри медленно и бесшумно отваливается.

Вот оно.

Не слова. Не любовница. Не развод.

Чемодан у ворот.

Когда твою жизнь собирают чужими руками и выдают через калитку, как передачу в тюрьме.

Вера Петровна подошла ближе, но глаза не подняла.

— Катерина Андреевна... — начала она тихо.

— Не надо, — оборвала я.

Если она сейчас начнёт извиняться, всё станет слишком живым. А я не собиралась оживать этот день слезами.

Она поставила чемодан и коробки на плитку. В одной из коробок я увидела край своей косметички, книгу и зарядку от ноутбука. Собирали быстро. Небрежно. Как если бы вычищали комнату после жильца, который больше не оплатил проживание.

— Это всё? — спросила я.

— Остальное потом, — отозвалась светловолосая, опираясь плечом о косяк.

Я перевела на неё взгляд.

— Конечно. Нельзя же за один раз вынести все следы чужого присутствия.

Её лицо дрогнуло.

— Тебе лучше уехать, — сказала она.

— С чего вдруг? Мне ведь уже некуда торопиться.

Я наклонилась, взялась за ручку чемодана и выпрямилась.

Тяжёлый.

Значит, что-то всё-таки кинули наспех, не только бельё и туфли.

— Оставь себе халат, — сказала я, глядя на неё.

Она моргнула.

— Что?

— Он тебе идёт. Хотя цвет требует более дорогой осанки.

Охранник отвёл взгляд. Вера Петровна едва заметно втянула воздух. А у девушки вспыхнули скулы.

Именно в этот момент с террасы раздался мужской голос:

— Хватит.

Марк всё-таки вышел.

Не ко мне.

К ним.

Он остановился рядом с ней и положил ладонь ей на поясницу так естественно, будто это было привычным жестом. На нём была тёмная рубашка без галстука, рукава закатаны. Домашний. Расслабленный. Такой, будто у него обычный вечер и только бывшая жена почему-то решила испортить декорацию.

Я смотрела на его руку на её талии.

Потом — ему в глаза.

— Ты мог выйти сам, — сказала я.

— Я просил не устраивать сцен.

— Ты очень любишь это слово. Им удобно прикрывать трусость?

Угол его рта дёрнулся.

— Забирай вещи и уезжай.

— А если я хочу войти в дом?

— Не войдёшь.

— Почему? Там мои документы. Ноутбук. Личные вещи.

— Всё нужное передадут.

— Кто решит, что из моей жизни «нужное», а что нет? Ты?

Он сделал шаг ближе к калитке.

— Не вынуждай меня говорить жёстче.

— А ты вынуждаешь меня смотреть, как моя замена ходит по дому в моём халате, и после этого ещё надеешься на вежливость.

Девушка напряглась, но Марк не убрал руки с её талии.

Правильно.

Пусть и эту картинку я запомню.

— Всё закончилось, Катя, — сказал он ровно. — Прими это достойно.

— Достойно? — я чуть склонила голову. — Это ты сейчас серьёзно говоришь о достоинстве? Мужчина, который заранее заблокировал карты, снял доступ к дому и выставил жену коробками через охрану?

— Я сделал так, чтобы всё прошло без грязи.

Я улыбнулась.

— Нет, Марк. Ты просто решил, что грязь снаружи не считается, если успел надушиться изнутри.

Его взгляд потемнел.

Он очень не любил, когда его красивые решения называли точными словами.

— У тебя нет положения, чтобы говорить со мной в таком тоне, — сказал он.

— Ошибаешься. Моё положение сейчас идеальное.

— Даже так?

— Да. Мне больше нечего терять.

Это дошло до него.

Не сразу. На секунду. Но дошло.

Я увидела это в том, как напряглась его шея.

— Не переоценивай себя, — сказал он тихо.

— А ты больше не недооценивай меня.

Я перевела взгляд на девушку.

— Поздравляю. Ты очень вовремя вошла в этот дом. Постарайся хотя бы не привыкать к шторам. Мужчины вроде него быстро меняют декорации.

— Марк... — начала она раздражённо.

— Не волнуйся, — перебила я. — Это не с тобой я говорю. Ты пока всего лишь интерьер. Вот теперь она побледнела по-настоящему.

Марк резко шагнул к калитке.

— Достаточно.

— Нет, — сказала я тихо. — Достаточно было вчера. Сегодня уже поздно.

Я взяла коробку и поставила её поверх чемодана.

Он смотрел, как я поднимаю свои вещи.

Не подошёл.

Не открыл калитку.

Не помог.

Пять лет брака, и финал был в этом: мужчина стоит за забором собственного дома и наблюдает, как женщина тащит на себе остатки жизни, которую он методично вычеркнул.

И именно такие мелочи почему-то запоминаются навсегда.

Не фраза про пустое место.

Не любовница.

А его неподвижность.

Его отказ даже на секунду стать человеком.

— Быстро ты сдалась, — бросила девушка мне в спину.

Я остановилась.

Медленно повернулась.

Посмотрела на неё долго, спокойно, так, чтобы внутри у неё стало неудобно.

Потом улыбнулась.

— Я? Нет. Я только начала.

Она не поняла.

Марк понял.

И это было видно по тому, как он напрягся.

Я покатила чемодан к машине. Водитель уже вышел сам и открыл багажник. Умный человек. Он не задавал вопросов. Просто взял у меня коробку и аккуратно поставил рядом.

Когда я села в салон, руки наконец слегка дрогнули.

Совсем немного.

Не от слабости.

От того, насколько велико было желание вернуться и разбить о его ворота всё, что он так тщательно называл «чистой» процедурой.

Дверь захлопнулась. Водитель сел за руль и посмотрел на меня в зеркало.

— Куда теперь?

Я посмотрела на своё отражение в тёмном стекле.

Тридцать два года. Светлый костюм. Идеальный макияж. Пустой взгляд. Чемодан в багажнике. Две коробки, пахнущие прошлой жизнью. Ни дома. Ни денег в прежнем объёме. Ни уверенности, где я буду спать завтра, не говоря уже о через месяц.

И где-то под всем этим — холодное, ясное, почти пугающее спокойствие.

— В центр, — сказала я. — В отель «Грант».

Он кивнул и тронулся с места.

Я открыла верхнюю коробку, чтобы хоть чем-то занять руки.

Сверху лежали книга, бельё, зарядка, блокнот, пара документов, косметичка. Всё впере-мешку. Будто собирали не жизнь, а мусор, который надо просто убрать с дороги.

Под документами виднелась тёмно-синяя визитница.

Я сначала не поняла, как она здесь оказалась.

Потом вспомнила. Я сунула её в ящик комода после одного благотворительного ужина, когда разбирала мелочи из клатча. Там были визитки архитекторов, подрядчиков, скучных партнёров, юристов и других людей, которых обычно держат поблизости не ради симпатии, а ради пользы.

Я достала визитницу.

Открыла.

Карточки перелистывались одна за другой — белые, серые, золотые, матовые. И вдруг мои пальцы остановились.

Чёрная.

Плотная.

Без лишнего текста.

Только имя.

Роман Северский.

И номер.

Я замерла.

В памяти сразу всплыл вечер двухлетней давности. Благотворительный аукцион. Свет, музыка, дорогие лица. Марк тогда держал меня за локоть чуть крепче обычного, а когда к нам подошёл Северский, я впервые увидела в муже не уверенность, а раздражённую настороженность. Роман говорил спокойно, смотрел прямо, улыбался не губами, а только взглядом. После того ужина Марк был злой всю дорогу домой и сказал одну фразу, которую я тогда почти пропустила мимо ушей:

— С этим человеком лучше не пересекаться без необходимости.

Сейчас необходимость вдруг стала очень личной.

Я провела большим пальцем по тиснению.

Впервые за весь день у меня в руках был не обломок прошлого.

А дверь.

Телефон лежал рядом, тёмный, тяжёлый.

Позвонить сразу?

Нет.

Слишком похоже на истерику брошенной жены.

А я не собиралась приходить к врагу Марка с распахнутой раной и просьбой о спасении.

Нет.

Я приду иначе.

С фактами.

С холодной головой.

С предложением, от которого будет трудно отказаться.

Машина свернула к отелю. Город уже тонул в раннем вечернем свете. Витрины зажигались, рестораны заполнялись, кто-то ехал домой, кто-то — на свидание, кто-то — на встречу, которая изменит ему жизнь. У каждого свой маршрут.

Я смотрела на чёрную визитку и чувствовала, как внутри вместо шока медленно собирается что-то новое.

Не сила.

Сила — слово для красивых речей.

Нет.

Это был расчёт.

Очень трезвый, очень женский, очень опасный расчёт.

Марк думал, что лишил меня всего.

Но у меня всё ещё оставалась память.

Оставались глаза.

Оставались годы, проведённые рядом с ним.

И теперь — оставалось имя человека, которого он действительно боялся.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение с неизвестного номера.

«Ваши вещи будут доставлены завтра до 12:00. Сообщите адрес».

Я прочитала сообщение один раз. Потом второй.

Ни имени. Ни извинений. Ни человеческой интонации.

Как будто я не жена, не бывшая жена, не человек, а адресная накладная, по которой нужно уточнить пункт выдачи.

Я набрала ответ спокойно.

«Адрес сообщу позже. И передайте Марку: не всё можно вывезти коробками».

Отправила.

Выключила звук.

И убрала телефон в сумку.

Водитель снова посмотрел на меня в зеркало.

— Всё в порядке? — спросил он тем же осторожным тоном.

На этот раз я усмехнулась.

— Пока нет.

— А будет?

Я перевела взгляд на чёрную визитку.

— Обязательно, — сказала я. — Но не у всех.

Машина остановилась у входа в отель.

Швейцар открыл дверь. Водитель достал мой чемодан. Всё было безупречно, вежливо, дорого. И впервые за этот день мне это даже понравилось.

Потому что в этой стерильной красивой пустоте было что-то важное.

Точка.

Меня только что выставили из дома.

Но я не стояла на коленях.

Я стояла у нового порога — с чемоданом, коробками и именем человека, рядом с которым даже безупречная самоуверенность Марка давала трещину.

А значит, день ещё не был проигран.

Он только начинался.

Глава 3. Пять лет за ноль

Номер оказался безупречным.

Слишком безупречным для женщины, которую несколько часов назад выставили из собственной жизни. Светлые стены, тяжёлые шторы цвета мокрого песка, мягкий ковёр, в который приятно проваливались каблуки, ровно застеленная кровать. На журнальном столике — ваза с белыми лилиями, пахнущими дорогой чистотой и чужим спокойствием. Всё вокруг было устроено так, чтобы человек, вошедший сюда, почувствовал: мир держится. Мир красивый. Мир управляемый. Мир не рухнет только потому, что где-то кто-то развёлся.

Я поставила коробку на стол, чемодан — к стене, и только после этого поняла, что всё ещё держу в руке чёрную визитку Северского.

Плотный картон слегка впивался в ладонь.

Я перевела взгляд на номер, напечатанный серебром. Несколько секунд смотрела на него, потом положила визитку рядом с вазой. Чёрное на белом. Чужое имя в чужом номере. Как будто сама жизнь уже начала переставлять фигуры, пока я ещё не до конца поняла правила новой партии.

Я сняла жакет, бросила его на кресло и медленно села на край кровати.

Тишина.

Вот что ударило сильнее всего.

Не измена. Не папка. Не даже чемодан у ворот.

Тишина гостиничного номера, в котором тебя никто не ждёт.

Я всегда думала, что одиночество выглядит как пустая квартира. Или как вечер без сообщений. Или как праздники, которые не с кем провести. Глупости. Настоящее одиночество выглядело именно так: ты сидишь в дорогом номере с коробкой своих вещей и понимаешь, что всё, что казалось тебе устойчивым, на самом деле стояло на чужой воле. На чужой фамилии. На чужом желании считать тебя частью своей жизни.

А значит, по-настоящему твоим не было почти ничего.

Я выдохнула и провела ладонями по лицу.

Плакать всё ещё не хотелось.

Это даже начинало раздражать. Где-то внутри сидело почти детское ожидание: сейчас меня накроет, сейчас затрясёт, сейчас я наконец-то позволю себе нормальную человеческую слабость, потому что если женщину предали, она должна хотя бы один раз всхлипнуть и сказать: «Я не понимаю, как он мог».

Но я понимала.

Слишком хорошо понимала.

Это случилось не сегодня.

Не в момент, когда Марк бросил папку на стол.

И не в тот день, когда у него появилась другая.

Это началось гораздо раньше. Тогда, когда я впервые подстроилась под его график и решила, что это любовь. Потом ещё раз. Потом ещё. Потом перестала замечать, что у нашей жизни одно расписание, один пульс, один хозяин — и все они не мои.

Я встала и подошла к окну.

Город начинал тонуть в вечернем свете. Внизу вспыхивали фары, открывались двери ресторанов, люди куда-то спешили, смеялись, входили в свои дома, встречались с теми, кого ждали. У кого-то был обычный вечер. У кого-то — свидание. У кого-то — семья.

У меня была инвентаризация руин.

Я вернулась к коробке и села на пол рядом с журнальным столиком. Так было легче. Так меньше чувствовалась гостиничная безупречность, от которой хотелось что-нибудь испачкать.

Сверху лежали книга, косметичка, бельё, зарядка, пара документов. Всё вперемешку. Словно собирали не жизнь, а последствия после пожара. Я достала блокнот. Мой чёрный рабочий блокнот, в который я иногда записывала не только бытовые мелочи, но и отдельные детали по делам Марка — не потому, что была его секретаршей, а потому, что со временем его дела начали течь в мою жизнь так же естественно, как вода из-под крана.

Сначала это выглядело почти красиво.

Помоги проверить формулировку.

Посмотри, не слишком ли топорно написан этот пункт.

Ты лучше чувствуешь людей, скажи, ему можно верить?

Ты же умеешь читать между строк.

Когда любишь мужчину, тебе кажется, что участие в его мире — это близость. Что его просьбы о помощи означают доверие. Что если он пускает тебя в свои процессы, значит, ты не просто жена, а партнёр.

Потом приходит день, когда он смотрит тебе в лицо и сообщает, что ты ничего не строила.

Я открыла блокнот на середине.

Страницы были исписаны моим почерком — аккуратным, ровным, чуть наклонным. Списки, даты, заметки, чьи-то фамилии, короткие напоминания, наброски раскладки для ужинов, пометки по поездкам, имена подрядчиков, номера поставщиков. И между этим — то, что когда-то казалось случайными обломками чужого бизнеса.

«Встреча с Волковым — перенесли на 18:30, без водителя».

«Не забыть отправить цветы жене К. перед сделкой».

«Спросить, почему платежи по “Ривер Групп” идут двумя кусками».

«М. нервничал после разговора с С., проверить публикации».

С.

Я уставилась на букву.

Тогда я написала её быстро, почти машинально. Просто потому, что помнила: после того разговора Марк вернулся домой злой, долго молчал за ужином, а ночью вышел на террасу и курил — хотя уже год как бросил. Когда я спросила, что случилось, он ответил только одно:

— Этот ублюдок опять полез туда, куда его не звали.

— Кто?

— Северский.

Тогда фамилия ничего для меня не значила. Теперь она лежала в двух метрах от меня, на столе, на чёрной визитке, как лезвие, которое пока ещё никто не вынул из ножен.

Я перелистнула дальше.

Страницы с поездками, встречи, вечера, список подарков к декабрьскому благотворительному ужину. Я вдруг вспомнила, как многое в браке держалось на том, что я умела организовывать хаос вокруг Марка так, чтобы ему казалось, будто он всё держит под контролем. Мужчины вроде него обожают ощущение собственной архитектуры. Они строят себя как бренд. Им нужно, чтобы рядом был кто-то, кто сгладит, подхватит, заметит слабое место, успеет до катастрофы — и при этом не попросит признания.

Я была именно такой.

Не потому, что родилась для этой роли.

Потому что однажды решила: если рядом сильный мужчина, надо быть не обузой, а ресурсом.

И вот к чему это привело.

Я отложила блокнот и достала из коробки прозрачную папку с документами. Паспорта там не было. Водительские права — тоже. Несколько старых страховок, распечатки, один договор на поставку мебели, чек из ювелирного, нотариальная копия доверенности, которую Марк когда-то оформлял на меня по одному из своих объектов. Просроченная, больше не нужная.

Конечно.

Самое важное он придержал.

Или приказал не отдавать.

Я почувствовала, как во мне снова поднимается то самое холодное раздражение. Без истерики. Без желания разбить зеркало. Просто очень чистое понимание: Марк не закончил со мной. Он просто решил, что перевёл меня в категорию неудобных хлопот, которыми можно управлять через юристов, охрану и красивую формулировку «всё нужное вам передадут».

Проблема была в том, что я тоже ещё не закончила с ним.

Я взяла телефон и впервые за вечер открыла галерею.

Сотни фотографий. Отпуск, ужины, поездки, цветы, интерьерные мелочи, мои руки на бокале, его профиль на фоне моря, дом в первые месяцы после ремонта, редкие селфи, где мы ещё выглядели как пара, которую можно поставить в рамку и подписать: «у них всё получилось».

Как же я ненавидела сейчас эти фотографии.

Не из-за другой женщины.

Из-за того, насколько убедительно я там выглядела счастливой.

Я закрыла галерею и открыла облако с документами. Несколько папок с личными файлами, старыми договорами, сканами, копиями переписок по мебели, подрядчикам, благотворительным мероприятиям. Отдельная папка, которую я сама когда-то назвала «техническое». В ней хранилось то, что я сохраняла на всякий случай — из той части меня, которая, видимо, всё-таки не до конца растворилась в браке.

Чеки.

Копии переводов.

Подтверждения доставок.

Сканы документов по дому.

И одна таблица.

Я замерла.

Открыла.

Таблица была старой, ещё с тех времён, когда мы только въезжали в дом. Я помогала Марку следить за движением оплат по ремонтам, потому что один из его людей постоянно путал подрядчиков и любил «случайно» забывать мелкие суммы. Тогда мне это казалось просто полезной бытовой помощью. Таблица разрослась до нескольких вкладок: ландшафт, освещение, кухня, камень, техника, мебель.

И отдельной строкой внизу, почти случайно, были ещё несколько переводов, которые не относились к дому. Я помнила тот вечер. Марк попросил меня быстро проверить, не дублируется ли платёж, потому что его финансовый директор «снова тупит». Один из переводов шёл на компанию, которую я раньше не видела. Другой — на человека с фамилией, которую потом пару раз слышала в его разговорах. Третий был дробным, без очевидного назначения.

Тогда я спросила:

— Это к дому не относится. Зачем ты это включил?

Он раздражённо забрал ноутбук и сказал:

— Не лезь.

Редкая фраза. Я её запомнила.

Теперь я смотрела на таблицу и понимала: вот оно. Не доказательство преступления. Не папка, с которой можно идти в суд. Но нить. Очень тонкая. Очень живая.

Я ещё раз просмотрела названия компаний, суммы, даты.

Одна дата совпадала с вечером, когда Марк неожиданно отменил наш уикенд и заявил, что срочно улетает. Тогда я плакала в ванной, потому что он третий раз за месяц переносил всё,

что касалось нас. А он вышел через полчаса идеально спокойный, поцеловал меня в макушку и сказал:

— Ты же понимаешь. Это работа.

Работа.

Как много под этим словом влезает, когда мужчина привык, что ему верят без уточнений.

Я закрыла таблицу и опустила телефон на колени.

Впервые за вечер у меня действительно задрожали пальцы.

Не от боли.

От ощущения, что под гладкой поверхностью моего прошлого уже проступает рельеф того, что Марк прятал.

И если я это вижу, то, возможно, вижу не только я.

Я встала, налила себе воды из бутылки на столике и выпила почти залпом. Горло пересохло. В голове стало слишком ясно, и от этой ясности хотелось либо лечь лицом в подушку, либо срочно двигаться дальше.

Лечь я себе не позволила.

Поэтому снова вернулась к вещам.

Во второй коробке лежали несколько свитеров, пара платьев, косметичка, старый планшет, стопка писем в конвертах, которые я когда-то складывала в гардеробной и забывала разобрать. Я почти машинально перелистала их, не ожидая ничего важного. Приглашения. Благодарительные счета. Письмо от клиники. Рекламный каталог. И один плотный конверт без логотипа, адресованный Марку.

Без обратного адреса.

Почерк чужой. Мужской.

Я смотрела на него секунду, потом открыла.

Внутри — лист бумаги и короткая записка.

«Если ты не закроешь вопрос с Деминым до конца месяца, я говорить больше не буду. Второй раз предупреждать не стану».

Без подписи.

Но внизу стояла дата.

Я знала этот месяц.

Тогда Марк ходил злой, как натянутая струна. Почти не спал, срывался на водителя, орал по телефону на кого-то из службы безопасности. А потом через неделю вдруг резко успокоился. Слишком резко. Как будто вопрос действительно «закрыли».

Я села обратно на пол.

Теперь в номере стало по-настоящему тихо.

Лилии пахли сильнее. Кондиционер едва слышно шумел под потолком. Где-то в коридоре проехала тележка горничной. А я сидела с чужой запиской на коленях и чувствовала, как мой день окончательно перестаёт быть просто днём развода.

Это уже было не только про унижение.

Это было про доступ.

Я слишком долго жила рядом с человеком, который считал, что дом и деньги делают его неуязвимым.

Проблема в том, что неуязвимых мужчин часто губят не враги.

А женщины, которых они сочли мебелью.

Телефон загорелся экраном.

Марк.

Опять.

Я смотрела на вызов и не спешила отвечать. Пять гудков. Шесть. Семь. Восьмой.

Приняла.

— Что?
Он молчал секунду, будто не ожидал такого тона.
— Где ты?
— А что? Решил прислать ещё одну коробку?
— Прекрати.
— Нет, это ты прекрати говорить со мной так, будто всё ещё имеешь право задавать вопросы.
— Ты не сообщила адрес.
Я усмехнулась.
Конечно. Вот что его волнует.
Не где я. Не в каком я состоянии. Не с кем я. Его волнует логистика.
— Сообщи, когда сочту нужным.
— Катя.
— Что?
— Не надо усложнять.
— Марк, ты выставил меня из дома. После этого слово «усложнять» уже не работает.
Он шумно выдохнул.
— Я хочу закончить это без лишней грязи.
— Тогда не надо было в неё превращать мою жизнь.
— Тебе передадут всё, что нужно.
— Очень великодушно.
— Хватит язвить.
— А что мне ещё остаётся? Ты забрал у меня возможность быть вежливой ещё сегодня утром.
Короткая пауза.
Потом он сказал уже тише:
— Я переведу тебе деньги.
Я даже не сразу поняла, что услышала.
Потом медленно встала с пола.
— Что?
— Нормальную сумму. На первое время. Чтобы ты не делала глупостей.
Я рассмеялась.
Сначала тихо. Потом громче.
Не от веселья.
От точности его жеста.
Он не извинялся. Не пытался исправить. Не признавал вины.
Он просто покупал тишину.
— Ты серьёзно? — спросила я наконец. — Думаешь, после всего этого я возьму от тебя деньги?
— Не драматизируй. Это разумно.
— Нет, Марк. Разумно было бы не изменять жене и не выставлять её за ворота через охрану. А это — не разумно. Это подачка.
— Называй как хочешь.
— Хорошо. Назову точно: ты уже боишься.
— Не льсти себе.
— Тогда зачем тебе покупать мой покой?
Он замолчал.
И этого мне хватило.
— Ничего не переводить, — сказала я. — Я не продаюсь.

— Это не продажа.

— Именно она. Просто ты слишком привык считать, что у всего есть цена.

— Катя, будь умнее.

— Нет. Это ты будь умнее. Хотя бы сейчас. Потому что дальше будет дороже.

Он резко понизил голос:

— Ты сейчас говоришь вещами, которые потом не сможешь подтвердить.

Вот оно.

Он тоже почувствовал, что я уже не просто злая бывшая жена.

Я смотрела на конверт в своей руке, на открытую таблицу в телефоне, на чёрную визитку Северского у вазы.

— Проверим, — сказала я.

И нажала отбой.

На этот раз руки дрожали сильнее.

Я положила телефон на стол и закрыла глаза.

Спокойно.

Надо было думать.

Не бежать.

Не звонить в истерике.

Не делать красивых глупостей, которыми потом будут пользоваться против меня.

Спокойно.

Я открыла глаза и снова посмотрела на визитку.

Роман Северский.

Если бы я позвонила ему сейчас, что бы он услышал? Брошенную женщину с чемоданом и ненавистью в голосе. Женщину, которую можно пожалеть, использовать, приласкать словами, но не уважать всерьёз.

Нет.

К нему надо идти иначе.

С информацией.

С тем, что может быть интересно не как драма, а как ресурс.

А значит, сначала мне нужно было понять, что именно у меня есть.

Я села за стол, открыла ноутбук — старый, личный, не тот, который остался дома, — и начала собирать всё в одну папку. Таблица. Скрины переводов из облака. Фото некоторых документов. Даты. Записка с угрозой по Демину. Страницы блокнота. Всё по порядку. Всё спокойно.

И чем дольше я этим занималась, тем отчётливее видела одну вещь: я не была пустым местом даже тогда, когда Марк в это верил.

Я была свидетелем.

Немой, удобный, хорошо одетый свидетель.

Его жена.

Та, которая слышала слишком много телефонных разговоров по вечерам. Та, которая замечала, с какими людьми он становился особенно внимательным. Та, которая видела, как он нервничает после некоторых встреч. Та, которой когда-то разрешали слишком много просто потому, что считали безопасной.

Я открыла заметки и стала записывать всё, что помнила.

Имена.

Компании.

Суммы.

Странные вечера.

Сорванные поездки.

Резкие перелёты.

Нервные звонки.

Северский.

Волков.

Демин.

Компания, через которую шёл drobный платёж.

Имя адвоката, который однажды приехал к нам домой в одиннадцать вечера и пробыл у Марка почти до двух ночи.

Чем больше я писала, тем яснее понимала: я слишком долго считала свою память чем-то бытовым, женским, неважным. А она всё это время фиксировала. Сохраняла. Складывала в тихий внутренний архив.

И вот теперь этот архив внезапно оказался ценнее всех его юристов.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на часы.

Прошло почти два часа.

Небо за окном окончательно потемнело. В стекле отражался номер, мой светлый силуэт и белые лилии, похожие на дорожную насмешку.

Я встала, подошла к зеркалу в ванной и включила холодную воду.

Сняла серьги. Смыла макияж. Провела ладонями по лицу и впервые за весь день позволила себе посмотреть на себя без роли.

Без костюма его жены.

Без выражения «всё в порядке».

Без красивого света.

Женщина с очень усталыми глазами.

Женщина, которую предали.

Женщина, которую унизили.

Женщина, которая всё ещё стоит.

Я вытерла лицо полотенцем и вдруг ясно поняла, что именно бесит меня сильнее всего.

Не любовница.

Не даже развод.

А то, что Марк был уверен: всё это сломает меня по тому же сценарию, по которому ломались другие. Сначала шок. Потом слёзы. Потом подачка. Потом тишина.

Он вообще не сомневался в моей прогнозируемости.

А я всегда была для него слишком удобной, чтобы он захотел узнать меня по-настоящему.

Я вернулась в комнату, взяла чёрную визитку и перевернула её в пальцах.

Телефон лежал рядом.

Можно было набрать номер прямо сейчас.

Сказать: «Здравствуйте, меня зовут Катерина, я бывшая жена Марка, и, кажется, у меня есть информация, которая может вас заинтересовать».

Звучало слишком прямолинейно.

Слишком дёшево.

Слишком похоже на женщину, которая бежит к чужому мужчине, потому что своего потеряла.

Нет.

Я не побегу.

Я приду.

На своих ногах. Со своей ценностью. Со своей ценой.

Я положила визитку обратно на стол и села на кровать.

Только теперь усталость навалилась по-настоящему. Не драматичная. Тяжёлая, вязкая, как мокрое пальто. Болели плечи. Ноги гудели после напряжения. Голову стягивало изнутри.

Я легла поверх покрывала, не раздеваясь.

Закрыла глаза.

И почти сразу увидела дом.

Не тот, каким он был сегодня. Тот, каким был в первый вечер после переезда. Коробки ещё стояли у стен, часть кухни не собрана, я сидела на полу в гостиной и ела китайскую лапшу из картонной коробки. Марк тогда сел рядом, снял галстук и, глядя на пустые стены, сказал:

— Здесь всё будет наше.

Я открыла глаза.

Темнота в номере была мягкой и чужой.

Нет, Марк.

Здесь всё всегда было твоё.

Просто я слишком поздно это поняла.

Телефон снова загорелся, но уже сообщением.

От неизвестного номера.

«Катерина Андреевна, я не должна вам писать. Но ваш паспорт и часть документов в верхнем ящике гардеробной в спальне. Он не проверял. Если будете забирать, делайте это утром. Сегодня в доме гости».

Я села на кровати так резко, что одеяло соскользнуло на пол.

Вера Петровна.

Больше некому.

Сердце ударило в рёбра один раз, очень сильно.

Паспорт.

Документы.

В спальне.

Сегодня в доме гости.

Я перечитала сообщение ещё раз.

Потом ещё.

И только после этого медленно улыбнулась.

Вот теперь день окончательно перестал быть просто днём моего унижения.

Он стал днём, когда чужая уверенность впервые дала трещину.

Потому что завтра утром я собиралась вернуться в этот дом не за воспоминаниями.

А за тем, что мне действительно нужно.

И, возможно, не только за этим.

Глава 4. Его главная ошибка

Я не уснула.

Даже не пыталась по-настоящему.

Лежала поверх покрывала, не раздеваясь, в полутьме гостиничного номера и смотрела в потолок, пока кондиционер гнал ровный прохладный воздух, а белые лилии на столе пахли так навязчиво, будто хотели доказать, что у чужого спокойствия тоже есть запах. Телефон лежал рядом на подушке. Экран давно погас, но сообщение Веры Петровны продолжало светиться у меня в голове ярче любого экрана.

Паспорт и часть документов в верхнем ящике гардеробной. Сегодня в доме гости. Если будете забирать, делайте это утром.

Сегодня в доме гости.

Надо же.

Он не просто выставил меня.

Он уже успел наполнить дом новыми голосами, чужими бокалами, новыми шагами по моему полу. Возможно, там сейчас смеялись. Возможно, на кухне открывали вино. Возможно, кто-то сидел на террасе и говорил о чём-то незначительном, в то время как мои документы лежали в спальне, будто даже вещи не успели поверить, что я больше там не живу.

Я повернулась на бок и закрыла глаза.

Сон не пришёл.

Вместо него пришла память.

Сначала в ней вспыхнуло что-то мягкое и глупое: первый год брака, Марк тащит меня сонную на руках из машины в дом родителей после затянувшегося ужина, я смеюсь и шепчу, что могу дойти сама, а он отвечает: «Мне нравится, когда ты на мне зависишь». Тогда мне казалось, что это про нежность. Сейчас — что про владение. Просто я слишком долго путала одно с другим.

Потом всплыло другое. Гораздо честнее.

Второй год нашего брака. Мы уже жили в съёмной квартире, но дом только проектировался. Марк сидел за ноутбуком в гостиной, злой после какого-то тяжёлого дня. Я принесла ему ужин. Он почти не притронулся, зато долго говорил по телефону с кем-то слишком тихо, почти шёпотом. Когда закончил, я спросила:

— Проблемы?

Он посмотрел на меня и усмехнулся.

— Нет. Просто не люблю тупых людей, которые забывают, что я им плачу не за инициативу, а за выполнение.

Тогда это не насторожило. Я слишком привыкла, что у него резкий язык. Успешные мужчины, говорила я себе, всегда жёсткие. Так им проще выживать в своём мире. Так они добиваются результата. Так устроен бизнес.

Сколько же удобной лжи можно придумать, когда очень хочется оставаться любимой.

Я села в кровати и взяла телефон.

Три сорок семь.

Ночь казалась густой и какой-то липкой. Из соседнего номера через стену едва слышно донёсся смех, затем всё стихло. Кто-то жил свою нормальную жизнь. Я — нет.

Я открыла заметки, которые начала делать вечером, и перечитала список имён.

Волков. Демин. Ривер Групп. Дробные переводы. Адвокат в одиннадцать вечера. Встреча, после которой Марк курил на террасе. Северский.

Каждое имя теперь выглядело иначе. Как не часть мужской деловой жизни, от которой я когда-то предпочитала держаться на дистанции, а как элемент конструкции, на которой всё это время стоял человек, называвший себя неуязвимым.

Я пролистала ниже и остановилась на одном воспоминании, которое записала почти автоматически:

Февраль. Ужин у Лавровых. Марк ушёл говорить на улицу после звонка. Вернулся злой. Сказал: «Если Северский думает, что я уступлю, он плохо меня знает».

Я смотрела на эту строчку и медленно выпрямлялась.

Вот что было особенно мерзко во всей ситуации: Марк никогда не воспринимал меня как равную, но он слишком часто говорил в моём присутствии так, будто меня нет. Будто рядом не женщина с памятью, а удобная мебель. Он не скрывал всего — он просто не считал нужным скрывать тщательно. И этим сам же дал мне слишком много.

На секунду захотелось набрать номер Северского прямо ночью.

Не чтобы просить о помощи. Нет. Чтобы произнести вслух его имя и проверить, как оно звучит в моей новой жизни.

Но я не набрала.

Потому что всё ещё оставалась женщиной, которая умеет ждать правильного момента. И если уж Марк недооценил именно это качество во мне, пусть оно станет его самой дорогой ошибкой.

Я поднялась с кровати, босиком прошла к столу, налила воды и выпила медленно, глядя на чёрную визитку.

Роман Северский.

Я помнила его плохо, и именно это раздражало. В памяти остались только отдельные детали. Высокий. Спокойный. Говорит тихо, но так, что остальные почему-то начинают говорить медленнее. Взгляд — не липкий, не оценивающий, а будто сканирующий. Опасный не в лоб, а глубже. Такой мужчина не давит голосом. Он просто входит, и пространство незаметно перестаёт принадлежать остальным.

Ещё я помнила лицо Марка рядом с ним.

Собранное.

Сухое.

И почему-то всегда чуть более злое, чем обычно.

Я вернулась в кровать только под утро, когда за шторами начал едва заметно сереть воздух.

Уснула я, кажется, на полчаса. Не больше.

Потому что когда открыла глаза снова, было шесть двадцать, и внутри уже включился жёсткий, холодный режим, которого раньше я у себя не знала.

Сегодня мне нужно было вернуться в дом.

Но не как женщине, которая пришла за прошлым.

А как человеку, которому необходимо забрать своё и выйти до того, как там снова начнутся чужие голоса.

Я одевалась медленно и очень тщательно.

Не потому, что это было важно для кого-то ещё.

Для себя.

Светлая рубашка. Тёмные брюки. Волосы собраны низко, без показной небрежности. Лицо без яркого макияжа — только то, что делает взгляд собраннее. Мне не хотелось выглядеть ни жертвой, ни женщиной, которая пришла на войну с заранее выученным выражением лица. Я просто хотела выглядеть так, чтобы у любого, кто меня увидит, не возникло соблазна заговорить со мной сверху вниз.

На ресепшене я попросила вызвать мне машину.

Пока ждала, заказала чёрный кофе и два тоста, но смогла проглотить только половину одного. Желудок сжимался от напряжения, хотя голова оставалась ледяной. Я сидела в светлом лобби с чашкой в руках и впервые за много лет чувствовала странную вещь: мне больше не нужно нравиться никому. Ни мужу. Ни его окружению. Ни красивому миру, который привык считать меня приложением к мужчине.

Это давало не свободу.

Пока нет.

Но уже давало резкость.

Машина приехала быстро.

Утро было прохладным. Город ещё не до конца проснулся, и это мне нравилось. Меньше глаз. Меньше случайных столкновений. Меньше свидетелей тому, как женщина возвращается в дом, где её уже нет.

Дорога до Кленовой показалась короче, чем вчера. Наверное, потому что сегодня у меня была цель. Когда есть цель, расстояние теряет драму.

На улице всё было тихо. Ни одной машины у ворот, кроме тёмного внедорожника Марка. Я попросила остановиться чуть дальше и вышла, не дожидаясь, пока водитель спросит, нужно ли подождать.

Нужно было. Но это я решу позже.

Ворота выглядели так же, как вчера. Только утренний свет делал их ещё более безличными. Дом казался спящим. И от этого внутри что-то болезненно сжалось: ещё недавно я сама любила его таким утром — тихим, стеклянным, прохладным, когда на кухне пахнет кофе, а по саду идёт автоматический полив.

Сейчас всё это было не моим.

Я подошла к будке охраны.

Ночной смены уже не было. Новый мужчина — постарше, с тяжёлым лицом и водянистыми глазами — узнал меня сразу. Это было видно по тому, как он чуть откашлялся и не стал разыгрывать удивление.

— Доброе утро, — сказала я.

Он кивнул.

— Доброе.

— Мне нужно забрать документы.

Он явно не хотел разговора. Но я была не в том настроении, чтобы облегчать жизнь чужим исполнителям.

— У меня есть указание, — сказал он. — Без разрешения...

— Чьего?

Он замялся.

— Хозяина.

— Вы вчера репетировали это слово?

Он посмотрел на меня уже с раздражением, но сдержался.

— Мне не нужны проблемы.

— А мне нужен мой паспорт.

— Я не могу вас пустить.

Я улыбнулась.

Очень спокойно.

— Тогда вызовите того, кто может.

Он явно надеялся, что я начну повышать голос. Что сорвусь. Что он сможет списать всё на женскую истерику и закрыть вопрос. Но я стояла прямо, говорила тихо и смотрела на него так, будто он не охранник, а не слишком умный клерк, который случайно оказался между мной и тем, что мне нужно.

Это всегда работает лучше крика.

Он уже потянулся к рации, когда калитка открылась изнутри.

Вера Петровна.

На ней был тот же тёмный кардиган, что и всегда по утрам, волосы собраны в тугий узел, лицо бледное. В руках — мой паспорт и небольшая папка.

Она не подошла сразу, словно сначала пыталась понять, насколько безопасно вообще делать следующий шаг.

Я сделала его сама.

— Спасибо, — сказала тихо.

Она кивнула и быстро сунула мне папку.

— Там не всё, что осталось, — так же тихо произнесла она, не поднимая глаз. — Но самое важное.

— Ноутбук?

Она едва заметно покачала головой.

— Нет. Его он забрал к себе в кабинет.

Конечно.

Либо проверил, либо ещё проверит. Значит, рассчитывать на ноутбук больше не стоит.

— Кто в доме? — спросила я.

— Никого. Он уехал рано. Девушка тоже.

Интересно.

Девушка.

Даже в устах Веры Петровны она не называлась по имени. Просто «девушка». Временная деталь чужого беспорядка.

— Я могу зайти? — спросила я.

Она резко посмотрела на меня.

— Лучше не надо.

— Почему?

— Он просмотрит камеры.

Я сжала папку чуть сильнее.

Камеры.

Конечно.

В доме их поставил он. Для безопасности. Для контроля. Для порядка. Как много красивых слов можно придумать для недоверия, если тебе нравится чувствовать власть даже над стенами.

— А спальня? — спросила я.

— Ящик пуст. Всё, что было, я вынесла.

Она помолчала, потом добавила чуть тише:

— Катерина Андреевна, не ходите туда. Сегодня не надо.

Сегодня не надо.

Я смотрела ей в лицо и понимала: она боится не за себя. За меня. Или за то, как будет выглядеть моя попытка войти. Может быть, она уже видела достаточно таких историй, чтобы знать: некоторые двери нужно не выбивать, а обходить.

— Хорошо, — сказала я.

Вера Петровна облегчённо выдохнула. Почти незаметно.

— Спасибо вам, — повторила я.

Она кивнула, шагнула назад и уже собиралась закрыть калитку, когда я спросила:

— Вера Петровна.

Она остановилась.

— Да?

— Он давно с ней?

Лицо у неё стало почти несчастным.

— Я не знаю.

Ложь.

Не очень умелая.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда спрошу иначе. Когда вы впервые поняли, что он уже не один?

Она молчала несколько секунд, слишком долго для человека, у которого нет ответа.

— В феврале, — произнесла наконец. — Наверное.

Февраль.

Я кивнула.

Вот и всё. Ещё одна дата легла на место.

— Спасибо.

Калитка закрылась.

Я осталась стоять у ворот с паспортом, папкой и очень ясным чувством, что, если бы не Вера Петровна, Марк действительно дождал бы меня мелочами. Документы. Доступы. Вещи. Всё то, что обычно не кажется «главным», но на самом деле ломает человека не хуже предательства.

В этом и была его главная ошибка.

Он слишком верил в силу механики.

Думал, что можно заблокировать карты, перекрыть вход, передать вещи и тем самым закончить историю.

Но такие истории не заканчиваются, если женщина, которую ты обнулил, успела запомнить, где именно у тебя тонкая кожа.

Я села в машину и только там открыла папку.

Паспорт. Права. Несколько нотариальных копий. Медицинская страховка. Старые распечатки. И конверт.

Белый, без надписи.

Я медленно вскрыла его.

Внутри лежала флешка.

Маленькая, чёрная, самая обычная.

И короткая записка.

«Это было в ящике стола. Я не смотрела. В.П.»

На секунду мне стало трудно дышать.

Флешка.

Я перевернула её между пальцами.

Ничего особенного. Обычный пластик. Но почему-то именно от этой вещицы веяло чем-то намного более опасным, чем от всех записок и таблиц вместе.

Если она лежала в ящике стола в спальне, значит, Марк либо сам сунул её туда на время, либо забыл. Если забыл — это уже интересно. Марк редко забывал предметы, которые считал важными.

Я убрала всё обратно в папку и велела водителю ехать в отель.

На обратном пути я почти не смотрела в окно. Мысли двигались слишком быстро и слишком чётко.

Сначала нужен ноутбук. Проверить флешку с телефона было бы идиотизмом.

Потом — собрать всё вместе.

Потом — решить, что с этим делать.

Нет. Не так.

Потом — решить, что из этого действительно может быть интересно Северскому.

Я впервые за утро мысленно произнесла эту последовательность без внутреннего сопротивления.

Не «если».

Не «вдруг».

А именно Северскому.

Не полиции. Не адвокату по разводам. Не журналистам, которым можно красиво слить историю преданной жены. Нет.

Северскому.

Потому что он был единственным человеком, при мысли о котором лицо Марка вчера действительно изменилось.

И если уж я собиралась бить, то не по воздуху.

Только туда, где болит.

В номер я вернулась уже другой.

Не сильной. Слишком рано для таких слов.

Но собранной.

Я заперла дверь, закрыла шторы и только потом достала старый ноутбук из второй коробки. Он включался медленно, будто тоже не хотел принимать участие в том, во что превратилась моя жизнь. Экран мигнул, загрузился рабочий стол. Я вставила флешку.

Сердце не заколотилось.

Наоборот. Всё внутри стало слишком тихим.

На флешке было три папки.

Личное Черновики Архив

Я сидела, не двигаясь.

Личное?

Черновики?

Архив?

Названия были настолько нейтральными, что это уже выглядело подозрительно. Марк не любил очевидности. Если что-то надо было спрятать, он прятал так, чтобы рядом можно было пройти десять раз и не заметить.

Я открыла «Личное».

Фотографии.

Несколько десятков снимков, часть из которых были обычными: интерьер, какие-то документы на столе, парковка, часы на панели машины, пустой ресторанный зал. Но чем дальше я листала, тем сильнее сжимались челюсти.

На одной фотографии — мужчина, которого я не знала, в полутёмном баре, сидящий за столом с Марком. Лицо снято боком, но видно, что снимок сделан скрытно.

На другой — пачка документов и чья-то рука с дорогим перстнем.

На третьей — вход в офисное здание и номер автомобиля.

На четвёртой — Северский.

Я замерла.

Фотография была не самая свежая — возможно, год или полтора назад. Роман выходил из здания суда или бизнес-центра, точно не поймёшь. В чёрном пальто, без улыбки, с телефоном у уха. Лицо спокойное, собранное, отстранённое. И если бы я не знала, кто это, всё равно задержала бы взгляд.

Потому что у таких мужчин не бывает нейтральной энергетики.

Они либо нравятся, либо заставляют инстинктивно сделать шаг в сторону.

Я открыла следующую папку.

Черновики.

Сканы документов. Куски переписок. Таблицы. Номера счетов. Какие-то внутренние отчёты. Часть файлов называлась аббревиатурами, часть — просто датами. Всё выглядело как работа человека, который либо собирает компромат, либо подстраховывается на случай, если кто-то попытается его кинуть.

Я смотрела на экран и медленно понимала.

Это не просто чужой мусор.

Это архив мужчины, который не доверяет никому.

Даже своим.

Даже тем, с кем сидит за одним столом.

Даже, возможно, самому себе вчерашнему.

Я открыла одну из таблиц и почти сразу увидела знакомые названия. Та же компания, что была у меня в старой таблице. Те же дробные суммы. Те же люди. Но уже в большем объёме.

И где-то внизу — пометка.

С. не лезет напрямую. Работает через Ф.

С.

Если речь шла о Северском, а почти наверняка так и было, значит, Марк не просто нервничал из-за конкурента. Он следил. Системно. Подробно. И, судя по структуре файлов, давно.

Я откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза.

Вот она. Его главная ошибка.

Не измена.

Не любовница.

Не даже сам развод.

Главная ошибка Марка в том, что, уничтожая меня как жену, он на секунду перестал быть осторожным как игрок. Решил, что все самые опасные вещи уже надёжно лежат в его мире, под его рукой, под его контролем.

И оставил одну из них в спальне.

Там, где её могла найти я.

Или Вера Петровна.

Или кто угодно, кого он не считал субъектом.

От этой мысли мне впервые за последние сутки захотелось не плакать, не кричать и не бить посуду.

Мне захотелось улыбнуться.

Очень медленно.

Очень зло.

Я снова посмотрела на экран, потом на чёрную визитку Северского рядом с ноутбуком.

Нет, звонить прямо сейчас всё ещё было нельзя.

Сначала — понять, что именно у меня в руках.

Насколько это ценно.

Насколько это опасно.

И только потом — выходить с этим к человеку, который умеет конвертировать чужие ошибки в чьи-то катастрофы.

Я встала, взяла телефон и открыла новый документ в заметках.

Заголовок набрала без паузы:

Что у меня есть на Марка.

Ниже пошли строки.

Флешка из спальни. Фото. Таблицы. Переписки. Компании. Дробные платежи. Следы по Северскому. Имена посредников. Номера машин. Демин. Ф. Волков. Адвокат.

Я смотрела на список и понимала: вчера я вышла из кабинета мужа пустым местом.

Сегодня у этого пустого места уже было досье.

И это меняло всё.

Телефон завибрировал.

Незнакомый номер.

Я замерла.

На секунду мелькнула мысль, что это может быть сам Северский. Нелепая, конечно. Откуда бы? Но нервная система умеет играть в абсурд, когда слишком долго держишься.

Я приняла вызов.

— Да.

— Катерина Андреевна? Это Светлана, помощница Романа Северского.

У меня внутри стало так тихо, что я услышала собственное дыхание.

— Слушаю.

— Вам передали визитку, и вы, кажется, интересовались возможностью связаться. Если вопрос всё ещё актуален, господин Северский может принять вас сегодня в двенадцать сорок.

Я не ответила сразу.

Сегодня.

В двенадцать сорок.

То есть либо кто-то из его людей узнал о моих поисках ещё раньше, либо мир действительно иногда умеет издевательски быстро выстраивать новые маршруты.

— Да, — сказала я. — Вопрос актуален.

— Тогда я пришлю адрес и пропуск. Просьба не опаздывать.

— Не опоздаю.

— Хорошего дня.

Связь оборвалась.

Я ещё несколько секунд держала телефон у уха, не двигаясь.

Потом медленно опустила руку.

На столе лежала чёрная визитка. Рядом — открытый ноутбук с файлами Марка. За окном светлел день. А у меня внезапно появилось время.

До двенадцати сорока.

Совсем немного для женщины, которая вчера потеряла мужа, дом и жизнь.

И более чем достаточно для той, которая сегодня собиралась превратить его главную ошибку в начало его падения.

Глава 5. Человек, которого боятся

К двенадцати сорока я была готова лучше, чем за все последние пять лет брака. Это даже звучало смешно.

За пять лет я так и не научилась быть готовой к Марку по-настоящему. Я умела быть удобной, вовремя молчать, вовремя улыбаться, вовремя поддерживать, вовремя не спрашивать. Но готовой — нет. Потому что к людям, которые однажды вынимают из-под тебя всю жизнь, подготовиться невозможно.

Зато к встрече с человеком, которого этот мужчина боялся, я собиралась с холодной точностью.

На кровати лежали две рубашки. Белая и графитовая. Я выбрала белую. Не из-за нежности. Из-за контраста. Белый цвет на женщине, которая идёт предлагать войну, действует на мужчин особенно раздражающе. Они ждут мягкости, чистоты, беспомощности. А получают форму, в которой кровь видна лучше.

К чёрным брюкам я добавила тонкий ремень, часы и серьги-гвоздики. Никаких ярких губ. Никаких тяжёлых волос. Никакой женщины, которая пришла впечатлять. Только та, которую не стоит недооценивать с первого взгляда.

Я стояла перед зеркалом и смотрела на своё отражение долго, почти безжалостно.

Вчерашняя Катя бы сейчас нервничала. Искала бы нужные слова. Думала, как лучше выглядеть: сильной, но не грубой, уязвимой, но не жалкой, умной, но не слишком резкой. Вчерашняя Катя всё ещё пыталась бы понравиться чужому миру, даже если этот мир уже вышвырнул её за порог.

Сегодня мне было всё равно, понравлюсь ли я Северскому.

Меня интересовало только одно: чтобы он понял мою цену быстрее, чем попытается назначить свою.

На столе лежали флешка, паспорт, блокнот, чёрная визитка и телефон с адресом, который прислала его помощница. Офис Северского находился в том же деловом районе, где ещё утром вчера Марк объявил мне, что я — пустое место. Ничего символичнее город, видимо, придумать не смог.

Я убрала флешку в небольшую кожаную папку. Туда же — несколько распечатанных скринов, которые успела сделать с документов. Таблицы. Куски переписок. Номера. Я не собиралась вываливать на Северского всё сразу. Слишком умные люди не любят тех, кто приходит с отчаянием и размахивает компроматом, как сумкой на рынке. Нет. Я покажу ровно столько, сколько достаточно, чтобы он понял: я пришла не просить. Я пришла предлагать.

Телефон снова завибрировал.

Незнакомый номер.

На секунду я подумала, что это снова Светлана, но на экране высветилось имя Марка.

Я смотрела на него несколько секунд.

Он звонил уже в четвёртый раз за утро. До этого я не отвечала. Не потому что боялась разговора. Потому что хотела дать ему почувствовать новую вещь — отсутствие доступа ко мне.

На пятом звонке я всё-таки приняла вызов.

— Да.

— Где ты? — спросил он без приветствия.

Удивительно, как быстро мужчина, уверенный в своём контроле, начинает звучать раздражённо, если этот контроль перестаёт работать хотя бы сутки.

— У тебя что, действительно других слов нет? — спокойно спросила я. — Всё ещё думаешь, что имеешь право на перекличку?

— Ты забрала документы.

Не вопрос.

Констатация.

Значит, уже посмотрел камеры. Или ему доложили. Или и то и другое. Конечно, посмотрел. Мужчина, который ставит камеры в собственном доме, не из тех, кто легко отпускает картинку.

— Забрала, — ответила я.

— Как ты вошла?

— Это важно? Или тебя задело, что не все люди вокруг тебя продаются за зарплату?

Он на секунду замолчал.

Потом голос стал жёстче.

— Не втягивай персонал в наши разборки.

Я улыбнулась краем губ.

Вот как.

Уже «наши разборки».

Не цивилизованный развод. Не формальности. Не порядок. А разборки.

— А ты не втягивай в них мой паспорт, — сказала я. — У каждого из нас теперь свои просьбы.

— Ты ведёшь себя неразумно.

— С каких пор тебя волнует мой разум?

— С тех пор как ты начала делать лишние движения.

Лишние движения.

Я подошла к окну и посмотрела вниз, где люди у входа в отель грузили чемоданы в такси. Какая странная вещь — ещё вчера я бы объясняла человеку в трубке, что ничего страшного не происходит, что я просто хочу забрать своё и успокоиться. Сейчас мне хотелось только продлить его раздражение.

— Не драматизируй, Марк, — сказала я его же тоном. — Я просто перестала двигаться по твоему сценарию.

— Катя.

— Что?

— Не делай того, о чём потом пожалеешь.

— Опять угрозы? Ты сегодня однообразен.

— Это не угроза. Это совет.

— Оставь себе. Ты и так уже дал мне слишком много ненужных советов за пять лет.

Я услышала, как он выдохнул. Сдержанно. Почти бесшумно. Так он всегда делал перед тем, как перейти от притворной вежливости к прямому давлению.

— Если ты думаешь, что нашла рычаги, то ошибаешься.

Я посмотрела на своё отражение в стекле.

— А если ты думаешь, что я всё ещё обязана предупреждать тебя о своих действиях, то ошибаешься ты.

— С кем ты сейчас общаешься?

На этот раз я рассмеялась по-настоящему. Тихо, зло.

— Боже, Марк. Ты ведь и правда уже боишься.

— Ответь на вопрос.

— Нет.

— Катя.

— Как странно звучит моё имя в твоём голосе, когда ты больше не уверен, что всё прочитал.

Он замолчал.

Мне хватило этой паузы, чтобы почувствовать почти физическое удовлетворение. Небольшое. Тёмное. Но очень нужное.

— Что ты хочешь? — спросил он наконец.

Вот так. Не «что происходит». Не «давай поговорим». Не «чего ты добиваешься». Сразу к сути. Сразу к торгу. Потому что мужчины вроде Марка искренне верят: любой конфликт — это просто переговоры, где нужно найти цену.

— Я уже говорила, — спокойно ответила я. — Я хочу, чтобы ты пожалел.

И сбросила вызов.

На этот раз не дрогнуло ничего.

Офис Северского находился в другом конце делового квартала, но отель прислал машину, и дорога заняла меньше пятнадцати минут. Всё это время я молчала, глядя в окно, и снова прокручивала в голове, что именно скажу в первые минуты.

Не «здравствуйте, я бывшая жена вашего врага».

Не «помогите мне».

Не «уничтожьте Марка».

Нет.

Сначала — дистанция.

Потом — информация.

Потом — условия.

Только так.

Потому что, если человек вроде Северского действительно опасен, он мгновенно чувствует слабость. А я не собиралась заходить к нему в кабинет женщиной, которая пришла спасаться.

Вход в его здание был тише, строже и дороже, чем у Марка. Без показной стеклянной пышности, без лишнего блеска, без желания сразу впечатлить. Чёрный камень, матовый металл, широкие двери, охрана без лишней суеты, ресепшен, где никто не улыбался слишком широко. Место, где деньги не кричат, а присутствуют.

И почему-то именно это заставило меня впервые за день почувствовать лёгкое напряжение.

Не страх.

Но то внутреннее напряжение, которое возникает, когдаходишь на чужую территорию, где правила уже давно написаны без тебя и явно не в твою пользу.

На ресепшене девушка в сером костюме подняла глаза прежде, чем я успела назвать имя.

— Катерина Андреевна? Добрый день. Вас ожидают.

Конечно, ожидают.

Я кивнула. Мне выдали гостевой пропуск без лишних слов. Лифт поднял меня на двадцать второй этаж. Всё происходило так гладко, что это нервировало сильнее мелких задержек. У людей вроде Марка всегда был небольшой хаос в самых красивых местах. У людей вроде Северского — наоборот. Всё шло так, как будто сама система не допускает случайностей.

Двери лифта открылись в просторный холл с тёмным полом, приглушённым светом и панорамными окнами. У дальней стены стояла женщина лет тридцати пяти в идеальном кремовом жакете — Светлана, надо полагать. Она подошла ко мне сама.

— Катерина Андреевна, добрый день, — её голос был мягким, но без намёка на заискивание. — Господин Северский освободится через несколько минут. Вы можете подождать здесь или пройти в переговорную.

— Здесь, — сказала я.

Она кивнула.

— Вода, кофе?

— Вода.

Через минуту передо мной уже стоял высокий стакан на низком столике. Я села в кресло у окна и позволила себе первый внимательный взгляд по сторонам.

Здесь всё было выверено. Не уютно, не красиво в привычном женском смысле, а именно выверено. Тёмное дерево. Металл. Минимум декора. Несколько больших абстрактных полотен, которые стояли наверняка как половина квартиры, но не выглядели так, будто их повесили ради статуса. Пространство дышало контролем. Не показным. Привычным.

Я отпила воды.

Ладони были сухими. Дыхание — ровным. Это радовало.

Потому что внутри меня, под этой ровностью, шевелилось нечто гораздо менее спокойное: любопытство.

Каким окажется человек, из-за которого Марк впервые за сутки потерял лицо?

Я не успела додумать эту мысль до конца.

Дверь в дальнем конце холла открылась, и он вышел сам.

Сначала я увидела только силуэт в отражении окна — высокий, собранный, движущийся без суеты. Потом обернулась.

Роман Северский был именно таким, каким его запомнила моя память, и всё же совсем другим.

В реальности люди часто оказываются меньше, мягче, банальнее, чем мы их себе дорисовываем. Северский — нет. Он не был красивым в журнальном смысле, не было в нём той вылизанной привлекательности, на которую женщины обычно ведутся сразу и охотно. Но в нём было нечто куда более опасное: спокойствие человека, который давно не нуждается в подтверждении собственной силы.

Тёмный костюм без единой лишней детали. Белая рубашка. Никакого галстука. Волосы чуть темнее, чем я помнила. Взгляд — прямой, но не липкий. И выражение лица такое, будто он уже знает о тебе что-то важное и пока только решает, стоит ли это озвучивать.

Он остановился в нескольких шагах.

— Катерина Андреевна, — произнёс он.

Голос был именно таким, каким я его помнила: ровным, низким, без суеты, без желания понравиться. Голос дорогого двигателя, который не надо заводить дважды.

Я встала.

— Роман.

Небольшая пауза.

Уголок его рта дрогнул. Не улыбка. Скорее отметка: заметил.

— Прошу, — сказал он, указывая на дверь кабинета.

Я вошла первой.

Его кабинет был больше кабинета Марка, но при этом казался ещё тише. Огромные окна, длинный стол, книжные шкафы без случайных корешков, чёрный камень, два кресла напротив рабочего стола и диванная группа у стены. Всё дорого. Всё сдержанно. И нигде — ни одной вещи, которая бы случайно выдала личное.

Кроме одной фотографии в тонкой металлической рамке на полке сбоку.

Я не успела разглядеть, кто там, потому что Северский обошёл меня и жестом предложил присесть.

— Вы хотели встречи, — сказал он, не садясь сразу.

Не «чем могу помочь».

Не «рад видеть».

Не «сожалею о случившемся».

Только факт.

Я села в кресло и положила папку на колени.

— Да.

Он опустился напротив. Не за стол, а в соседнее кресло, чуть развернувшись ко мне. И этим жестом сразу изменил всё. Переговоры без стола опаснее — нет расстояния, за которым можно прятаться.

— Тогда начнём с простого, — сказал он. — Зачем вы пришли?

Прямо.

Хорошо.

Я выдержала его взгляд.

— Потому что мой бывший муж вас боится.

На этот раз он действительно улыбнулся. Очень слабо. Почти незаметно.

— Это комплимент мне или характеристика ему?

— И то и другое.

— Уже бывший муж?

— Со вчерашнего дня. Формально ещё нет. По сути — да.

— И вы решили отметить это визитом ко мне?

Вопрос был нейтральным. Но под ним я услышала то, что и должна была услышать: не тратьте моё время на эмоции.

— Нет, — спокойно ответила я. — Я решила использовать обстоятельства с максимальной пользой.

Он несколько секунд смотрел молча. И именно это молчание было, кажется, его любимым инструментом. Не давить, не перебивать, не спешить. Просто дать собеседнику самому соскользнуть туда, где он скажет лишнее.

Я не соскользнула.

— Хорошо, — произнёс он. — Тогда второй вопрос. Почему вы считаете, что можете быть мне полезны?

Я открыла папку, достала несколько листов и положила на низкий столик между нами. Не все. Только часть. Суммы, названия компаний, один фрагмент таблицы, две фамилии, номер машины, пометка про посредника.

Он не взял листы сразу. Сначала посмотрел на меня.

Потом — на бумаги.

Только после этого протянул руку.

Движения у него были медленные, но не ленивые. Скорее у человека, который никогда не делает лишнего жеста. Он просмотрел первую страницу. Затем вторую. Затем третью. Лицо не изменилось.

— Это всё? — спросил он.

— Нет.

— Тогда зачем вы показываете мне только часть?

— Чтобы понять, насколько вам интересно остальное.

Вот теперь он поднял глаза.

И впервые за время разговора я почувствовала, что действительно привлекла его внимание.

Не как брошенная жена.

Как собеседник.

— Смело, — сказал он.

— Практично.

Он отложил листы на столик.

— Откуда это у вас?

— Из моей прошлой жизни рядом с человеком, который слишком часто считал меня мебелью.

— И теперь вы решили продать интерьер конкуренту?

Я усмехнулась.

— Нет. Я пришла не торговаться, а предложить сделку.

— Сделку, — повторил он спокойно.

Я кивнула.

— У меня есть информация. У вас — ресурсы, которых у меня нет. Марк должен потерять не только деньги. Он должен потерять ощущение безнаказанности. Я не в том положении, чтобы сделать это одна. Вы — в том положении, чтобы сделать это точно.

Он не ответил сразу. Просто смотрел на меня своим спокойным тёмным взглядом. И от этого взгляда становилось ясно: передо мной человек, который не ведётся ни на женскую злость, ни на красивую риторику, ни на драмы про предательство.

Очень хорошо.

Потому что я и не собиралась играть в драму.

— Допустим, — произнёс он. — Но пока это звучит так, будто вы хотите использовать меня как дорогой инструмент мести.

— А разве вы не любите быть дорогим инструментом, если результат вас устраивает?

На этот раз он усмехнулся уже заметнее.

— Осторожнее, Катерина Андреевна. Обычно люди приходят ко мне с уважением, а не с провокациями.

— Обычно к вам, вероятно, приходят люди, которые не провели ночь в гостинице после того, как муж выставил их из дома коробками.

— Это должно меня разжалобить?

— Нет. Это должно объяснить, почему у меня нет настроения на вежливый флирт.

Несколько секунд он молчал. Потом откинулся на спинку кресла.

— Вот теперь я начинаю понимать, почему Марк так старательно хотел убрать вас из поля зрения.

— Я ему мешаю?

— Теперь — да.

Я почувствовала, как внутри что-то сдвинулось. Незаметно. Но очень важно.

Потому что это была первая фраза за двое суток, в которой кто-то не видел во мне ни потерпевшую, ни истеричку, ни бывшую жену. Только фактор.

Северский снова взял бумаги.

— Этого недостаточно, чтобы действовать, — сказал он. — Но этого достаточно, чтобы я задал следующий вопрос. Почему вы решили прийти именно сейчас, а не раньше?

Я смотрела на его руки. На длинные пальцы, держащие листы. На почти полное отсутствие украшений, кроме часов. На то, как спокойно он касается любой информации, будто привык брать в руки чужие слабые места и не ронять их.

— Потому что раньше я была ему женой, — сказала я. — А вчера он сам уничтожил это основание.

— Значит, мораль наконец-то закончилась?

— Нет. Закончилась моя лояльность.

Он кивнул.

— Уже честнее.

Я вытянула из папки флешку и положила рядом с листами.

— А это, возможно, заинтересует вас больше.

Его взгляд стал внимательнее.

— Что на ней?

— Архив. Документы, фото, посредники, платёжные следы. В том числе то, что касается вас.

— Меня?

— Скорее, его интереса к вам.

Никакой реакции. Только чуть более тихое выражение лица.

— И вы не открывали всё?

— Открывала часть.

— Почему не всё?

— Потому что у меня была ночь, старый ноутбук и необходимость сначала понять, не пытается ли мой бывший муж утопить меня вместе с этими файлами.

— Разумно.

— Я умею учиться на ускоренных курсах.

Северский взял флешку и несколько секунд рассматривал её между пальцами. Потом перевёл взгляд на меня.

— Допустим, мне это интересно. Что вы хотите взамен?

Вот и подошли к сути.

Я выдержала паузу. Не для красоты. Просто хотела произнести правильно.

— Я хочу, чтобы вы его сломали.

Он слушал без выражения.

— Финансово. Публично. Лично. Чтобы он не отделался неудобным разводом и новой женщиной в моём халате. Чтобы он впервые в жизни понял, как выглядит настоящее бессилие.

Северский молчал.

Очень долго.

Я слышала, как за окнами внизу проходит город. Далёкий, приглушённый. В кабинете же не было ничего, кроме нас, бумаг на столике и тишины, которая вдруг стала тяжёлой.

— Очень эмоциональный заказ, — сказал он наконец.

— Естественно. Мне изменили не в тендере.

— Я не занимаюсь эмоциональными заказами.

— Нет. Вы занимаетесь точными.

Уголок его рта снова дрогнул.

— И вы уверены, что понимаете, к кому пришли?

— Да.

— И всё же пришли.

— Да.

— Почему?

— Потому что вы — единственный человек, услышав имя которого, Марк перестал выглядеть богом собственной жизни.

Он отвёл взгляд к окну, будто это его позабавило больше, чем он собирался показать.

— Значит, вы внимательно за ним наблюдали.

— Пять лет. Это был брак, а не короткий роман.

— Пять лет — большой срок. За него обычно либо начинают ненавидеть, либо окончательно слепнут.

— Я, видимо, успела сделать и то, и другое. Просто в неправильной последовательности.

Это была, пожалуй, первая фраза за разговор, после которой у Северского в глазах мелькнуло что-то человеческое. Не сочувствие. Скорее узнавание интонации.

Он положил флешку на столик.

— Хорошо. Тогда я скажу вам сразу, чтобы не было иллюзий. Я не спасаю брошенных жён. Не вхожу в чужие семейные драмы из рыцарства. И не люблю, когда меня пытаются использовать как таран.

— Я и не прошу рыцарства.

— А что просите?

— Эффективности.

Тишина.

Потом он слегка наклонился вперёд.

— Вы понимаете, что любая сделка со мной имеет цену?

Вот и прозвучало.

Не прямой намёк. Не угроза. Просто правило мира, в котором он жил.

Я встретила его взгляд спокойно.

— Да.

— И готовы платить?

— Если цена будет честно названа.

Он рассматривал меня так, будто мысленно двигал фигуры на доске и прикидывал, насколько я понимаю, что сама же только что предложила.

— Честно, — произнёс он медленно, — обычно бывает больше.

— После вчерашнего меня трудно впечатлить честностью.

На этот раз он усмехнулся уже открыто.

— Вот теперь верю, что вы пришли не с истерикой.

— С истерикой женщины обычно идут к подругам. К вам с ней приходит бессмысленно.

— Это верно.

Он встал.

Я тоже автоматически поднялась, хотя не сразу поняла, что это значит. Конец разговора? Проверка? Отказ?

Северский обошёл столик, остановился у окна и несколько секунд смотрел вниз. Потом обернулся.

— У меня есть предложение, Катерина.

Впервые без отчества.

От этой мелочи внутри что-то осторожно напряглось.

— Слушаю.

— Вы передаёте мне всё, что у вас есть. Полностью. Без игр в дозирование информации.

— А взамен?

Он шагнул ближе. Не вплотную. Но настолько, что пространство между нами стало осязательным.

— А взамен я сделаю так, чтобы ваш бывший муж очень пожалел о том, как именно решил с вами расстаться.

У меня пересохло во рту.

Не от страха.

От точности формулировки.

— Звучит красиво, — сказала я. — Почти как начало ловушки.

— Возможно.

— И где цена?

Он смотрел прямо.

— В том, что это будет не просто сотрудничество.

Я молчала.

Он продолжил так же спокойно:

— Марк слишком хорошо знает мой стиль работы. Если я начну действовать сразу после вашего визита, он быстро свяжет одно с другим. Мне нужен более надёжный способ легализовать ваше присутствие рядом со мной.

Я почувствовала, как ледяная догадка поднимается внутри почти физически.

Нет.

Хотя, конечно, да.

Только такой человек, как Северский, и мог предложить не утешение, а схему.

— Вы понимаете, на что идёте, Катерина? — его голос стал ещё тише. — Стать моей женой — значит объявить войну всему своему прошлому. Я не спасаю бедных овечек. Я заключаю сделки.

Он медленно подошёл ближе, и я невольно вжалась ладонью в спинку кресла, потому что от его близости воздух действительно становился другим. Не горячим. Не интимным. Опасным.

Я подняла голову и встретила с его взглядом.

— Я не овечка, — сказала тихо. — Я — ваше легальное право уничтожить моего бывшего мужа. Разве не об этом вы мечтали последние три года?

На этот раз улыбка у него получилась совсем другой.

Не светлой. Не доброй.

Тёмной.

Очень мужской.

Очень опасной.

— Опасная игра, — произнёс он. — Но мне нравится ваша ставка.

Тишина между нами стала вязкой.

Я чувствовала, как бьётся сердце. Ровно, но слишком тяжело. Передо мной стоял человек, о котором я знала меньше, чем о Марке в первые месяцы знакомства. Человек, который не обещал защиты. Не предлагал утешения. Не делал вид, что хочет мне добра. Только схему. Только удар. Только цену.

И почему-то именно это внушало больше доверия, чем любая возможная мягкость.

— Если я соглашусь, — произнесла я, — какие условия?

— Вы переезжаете в моё пространство. Публично. Без права вести двойную игру. Всё, что знаете о Марке, передаёте мне. Всё, что делаю я, не обсуждаете ни с кем. На людях вы — моя жена. В приватном смысле... — он чуть склонил голову, — мы будем договариваться отдельно.

— И если я откажусь?

— Тогда вы выходите из этого кабинета с флешкой, своей гордостью и очень ограниченными возможностями навредить человеку вроде Марка.

Честно.

Действительно большее.

Я опустила взгляд на флешку, на бумаги, на свои руки. Потом снова посмотрела на Северского.

Он не давил.

Не торопил.

Просто стоял и ждал, как человек, который давно умеет ждать чужого решения, потому что знает: в этой комнате торопиться не нужно ему.

Я вспомнила вчерашний кабинет Марка. Его папку. Его фразу про пустое место. Чемодан у ворот. Девушку в моём халате. Его руку на её талии. Сообщение про «вещи будут доставлены до 12:00». Его предложение денег. Его уверенность, что всё закончилось.

Нет.

Всё только начиналось.

И если для этого нужно было войти в ещё более опасную игру, чем я планировала с утра, значит, так тому и быть.

Я медленно вдохнула.

— Я согласна.

Северский не улыбнулся. Даже не кивнул сразу. Просто смотрел на меня так, будто проверял, не дрогну ли я сейчас сама от собственных слов.

— Подумайте ещё раз, — сказал он тихо. — После этого назад уже не получится.

— Назад мне некуда, — ответила я. — Вы же это уже поняли.

Он выдержал паузу.

Потом протянул мне руку.

Не для поцелуя. Не как женщине. Как партнёру по сделке.

Я вложила пальцы в его ладонь.

Она была тёплой. Сильной. И хватка — ровно такой, какая нужна мужчине, привыкшему заключать договоры без лишних слов.

— Тогда поздравляю, Катерина, — произнёс он. — С этого момента ваша жизнь становится значительно сложнее.

Я посмотрела ему в глаза.

— Лишь бы интереснее.

В его взгляде снова мелькнуло то тёмное, опасное одобрение, которое уже начинало меня настораживать сильнее открытой враждебности.

— О, — сказал Роман Северский. — Это я вам гарантирую.

И в этот момент я поняла главное.

Вчера Марк разрушил мою жизнь.

Сегодня я сама вошла в дверь, за которой могла потерять остатки страха, осторожности и, возможно, здравого смысла.

Но где-то внутри, под холодом, злостью и усталостью, уже разгоралось новое чувство.

Не надежда.

Предвкушение.

Глава 6. Не спасение — контракт

Когда я вышла из кабинета Северского, мир не перевернулся.

За стеклянными стенами всё так же двигался город. Люди спешили на встречи, курьеры лавировали между машинами, внизу у входа в бизнес-центр кто-то смеялся в телефон, кто-то ругался на водителя, кто-то пил кофе на ходу. Жизнь не делала паузу ради моей новой реальности.

И всё же реальность уже была другой.

Меньше часа назад я подписала договор, по которому должна была стать женой человека, чьё имя вызывало у Марка небрежно скрываемое раздражение, а иногда и почти голый страх. Не любовницей. Не союзницей по тени. Не «женщиной рядом».

Женой.

Даже мысленно это слово всё ещё звучало как что-то слишком тяжёлое, чтобы встать на место сразу. Оно не ложилось на язык. Оно не хотело становиться привычным. И, наверное, именно это было правильно. Некоторые вещи не должны становиться привычными слишком быстро. Особенно если вчера тебя вышвырнули из дома, а сегодня ты уже заключаешь новый брак как военную сделку.

Светлана проводила меня в переговорную, где на столе лежала тёмно-серая папка. Вода. Планшет. Чёрная ручка. Всё было подготовлено так, будто я пришла подписывать крупный деловой контракт, а не перестраивать собственную жизнь.

Хотя, если подумать, это и был крупный деловой контракт.

Только предметом сделки была я сама.

— Если вам нужно время, можете ознакомиться спокойно, — сказала Светлана. — Роман Викторович присоединится через несколько минут.

Я села за стол и раскрыла папку.

С первых строк стало ясно: здесь не было ни одного слова, которое пыталось бы притвориться мягче, чем оно есть на самом деле.

Брачный договор. Соглашение о конфиденциальности. Порядок публичного представительства. Дополнительные условия безопасности.

Юристы Северского, видимо, принадлежали к той редкой породе людей, которые не просто любят точность, а разговаривают ею как родным языком. Никаких расплывчатых обещаний. Никаких формулировок, за которыми можно спрятать двусмысленность. Никакой попытки завуалировать цену красивыми словами.

Я медленно листала страницы.

Мне выделялось отдельное пространство в его доме. Отдельный счёт на моё имя. Полное юридическое сопровождение. Отдельный контур безопасности. Право на охрану при необходимости. Запрет на внешние контакты с представителями Марка без согласования. Запрет на самостоятельные действия с любой информацией, полученной в рамках нашего союза. Правила публичных выходов. Правила общения с прессой. Правила общения с внутренним кругом Северского. Правила, правила, правила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.